

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ПАПА С ПРИЦЕПОМ

Полковник Гуров

Николай Леонов
Папа с прицепом

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Папа с прицепом / Н. И. Леонов — «ЭКСМО»,
2019 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-04-104623-1

У студента Никиты неожиданно объявился родной отец, далеко не бедный предприниматель. Парень обрадовался: теперь их с матерью жизнь начнет налаживаться. Но счастье длилось недолго – вскоре мужчину нашли мертвым в собственном гараже. По совету друзей Никита обратился за помощью к полковнику МВД Гурову, и тот взялся расследовать это дело. Следы привели сыщиков в Череповец, где убитый занимался продажей металла. Неужели обычная месть конкурентов? Эта версия казалась правдоподобной, пока Гуров и Крячко не вышли на крупного воротилу, контролирующего тайные схемы криминального бизнеса...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-104623-1

© Леонов Н. И., 2019
© Эксмо, 2019

Содержание

Папа с прицепом	6
Глава 1	6
Глава 2	13
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Леонов, Алексей Макеев

Папа с прицепом

© Макеев А. В., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Папа с прицепом

Глава 1

Автосервис на Балтийской функционировал не первый год и все это время неизменно держал планку, ориентируясь на европейские стандарты качества, отчего котировался у москвичей весьма высоко. Не все филиалы известной сети автосервисов могли похвастаться стабильностью в плане обслуживающего персонала, здесь же текучка кадров практически отсутствовала. А все потому, что администратор, Колян Степаныч, как за глаза называли его сотрудники, толковый мужик. За рукастых людей держится, зарплату не зажимает и клиентов денежных и адекватных удержать умеет.

С клиентами Колян Степаныч работает виртуозно. Попадешь на такой момент, когда он клиента «окучивает», – залюбуешься. Ведь и не лебезит перед толстосумами, и «мульку» не прогоняет, все честь по чести, а прислушивается народ, доверием проникается. Постоит, послушает, да и оставит свой шикарный автомобиль на профосмотр, хоть собирался всего лишь масло в движке заменить или резину с зимней на летнюю переобуть.

От Коляногого таланта работягам всегда навар. Во всех автосервисах мертвый сезон, а у Коляна очередь на месяц расписана. Парни по шестнадцать часов пашут, чтобы всех желающих успеть обслужить. И никто не стонет, на выходной не просится, потому что копеечка трудовая от количества заказов складывается. Тут вам не оклад, тут сдельщина. Как говаривали деды: что потопаешь, то и полопаешь.

С распределением заказов у Коляна Степаныча всегда строго. Учет ведет в голове, но никогда не ошибается. От этого и зарплата примерно вровень, но не мизерная, а достойная, в карман приятно положить, перед женой на столе не стыдно рассыпать, да и с друзьями в престижный клуб сходить по карману не бьет. Крутой из Коляна администратор, одним словом. Вот люди за работу и держатся, подвести его боятся, чтобы хлебного места не лишиться.

С этим у Степаныча строго. Бездельников и лоботрясов он у себя на Балтийской не держит. Жучил, которые своих же парней-работяг подставить норовят, на дух не переносит, и все это знают. Раз схитришь перед Степанычем – второго шанса он тебе не даст, выпрет взашей, да еще речь душеспасительную загнет такую, что самых толстокожих пробирает. Коллектив у Коляна Степаныча дружный, несмотря на то что разброс у слесарей в возрасте лет тридцать.

Пашке Глинкину за шестьдесят уже. Он с машинами с десяти лет возится. Ему и кличку за возраст дали соответствующую, Дед. Домовому чуть поменьше, к пятидесяти подходит, и в автосервисе он всего лет пять, но у клиентов ценится. Двум братьям-близнецам Шапошниковым по тридцать пять. Уключине, дородному рыжеволосому битюгу, около сорока. Остальным – в районе от двадцати пяти до сорока пяти. Стаж работы тоже у всех разный, но качество работы неизменно высокое.

Исключением из правила можно назвать разве что Никиту. Парень он совсем молодой, девятнадцать только стукнуло, опыта, соответственно, практически никакого, но держит его Колян Степаныч, приглядывается. Мужики шутят: Степаныч смену себе растит. А сам он над шуткой не смеется. Рано или поздно и ему смена понадобится, всегда приятнее знать, кто твое дело дальше поведет. А то ведь как строить – так никого, а как развалить плоды многолетнего труда – так специалистов пруд пруди.

Никита за такое доверие платит Степанычу сыновней любовью и безотказностью. Работать он только в вечернее время да по ночам может. Утром в институте гранит науки грызет, а еще за матерью присматривает. Мужики злятся, простофилей Никиту считают. Вот, мол, повесил себе на шею обузу. Ладно бы еще инвалидом была, ноги отказали, или к капельнице

привязана, а то ведь вся привязка в бутылке заключается. «Агдам» да «Три семерки» – лучшие друзья. Никита нападки терпит и мать не бросает. Продукты домой таскает, чтобы той было чем закусить, а деньги – ни-ни, у Степаныча в подсобке держит. Узнает мать, что в доме денег жата завелись, до тех пор не успокоится, пока заначку не найдет, а найдет, так сразу и пропьет с дружками. Одно хорошо, водить в дом своих собутыльников перестала. Это после того, как Никита ей ультиматум выдвинул: либо дружки-алкоголики, либо крыша над головой и жарчка.

А руки у Никиты золотые, и голова толковая. За год так слесарскую премудрость изучил, как иной за десять лет не освоит. И сам образовывается, повышает квалификацию. Свободная минутка выпадет – мужики курить, а он в телефон уткнется и не в игрушки, как его сверстники, играет, а статьи всякие по ремонту автомобилей выискивает и заучивает наизусть. Сам Колян Степаныч нет-нет да обращается к студенту с вопросом, если какую новомодную приличку в автомобиль поставить нужно. Никита информацию соберет, изучит и проконсультирует мужиков.

Сегодня на Балтийской работы немного, пересменок случился. Три авто на два дня раньше закончили, ремонт еще одной пары притормозили, хозяева на моря стартанули. Лето все-таки, время отпусков, всем на солнышке погреться охота. Мужики уже перекур закончили, переодеваться собрались, а Никита над «Опелем» завис. Полчаса простоял без движения. Забеспокоились мужики, такого с Никитой еще не случалось, чтобы он не знал, какой следующий шаг в работе, а помощи не просил. Дед с мужиками посоветовался и решил вмешаться.

– Эй, студент, чего над капотом висишь? Не срастается что-то? – крикнул он.

Никита даже не шелохнулся. Дед покачал головой и поплелся к «Опелю». Подошел, похлопал Никиту по плечу. Тот вздрогнул, перевел на него взгляд, и Дед обеспокоенно спросил:

– Ты в порядке, парень?

– А? Что? Да, дядь Паш, я в порядке. – Никита потер лицо руками. – Устал немного, но в целом в норме.

– Снова мать дебоширила?

– Нет, она сейчас в завязке. Неделю не пьет, – машинально ответил парень, но Дед видел, что мысли его где-то далеко.

– Снова отец? – спросил он, понизив голос, чтобы не слышали остальные мужики.

– Не беспокойтесь, дядь Паш, – ушел от ответа Никита.

– Ну, смотри... А то, если помощь нужна, я могу и остаться. Барбара моя сегодня внуков ночует, так что я почти холостяк, – предложил Дед. Барбарой он любовно супругу свою величал, за пристрастие к бразильским сериалам.

– Спасибо, дядь Паш, но я и сам справлюсь. Честно.

Дед ушел, Никита быстро подсоединил клеммы аккумулятора, закрыл капот и пошел в раздевалку. Мужики еще не рассосались: меняли спецовку на парадно-выходную одежду, смеялись и подкалывали друг друга. В общем, привычная картина для конца трудового дня. Он достал из металлического ящика джинсы и футболку, сбросил робу и поплелся в душевую. На душе было муторно, настроение, как у куклы Барби, тоскливо-слезливое.

«Говорят, со временем отпустит, а когда наступит это время? Через полгода, через год? Месяц прошел, а легче не стало. Дед простой вопрос задал, а ты сразу окаменел весь. А ведь он не из праздного любопытства, помочь хочет. Видит, как я маюсь. Мать – другое дело, она больше о потере халявы плачется. Только нашла поилку, из которой водка пусть и не рекой, но стабильным ручейком текла, а он взял и помер. Ох уж ей и обидно. Неделю пить не на что, проценты со вклада снять нельзя, иначе все профукаешь, а выпить-то охота. Домой сегодня лучше не спешить, допечет так, что сам за бутылкой поскачешь». – Мысли в голове Никиты жили как бы сами собой, и рад бы заглушить, да никак не выходит.

Чаще всего мозг атаковали два воспоминания. Первое – они с отцом в развлекательном центре на Садовом кольце. Шикарный центр, и место шикарное, в открытом ресторане на крыше четырехэтажки. Здорово все-таки эти барыги придумали, сидишь себе, сок или коктейль через трубочку потягиваешь и на Москву любишься. Это, конечно, не Останкинская башня с ее знаменитым рестораном, но тоже эффектно. Раньше он там никогда не был. Раньше... Странное слово и ощущения странные.

Еще совсем недавно его жизнь текла ровно и размеренно и вдруг, в одночасье, круто изменилась, разделившись на «до» и «после». Как так вышло, он и сам до конца не понял. Просто в один по-настоящему прекрасный момент у него появился отец. И ведь не бомжара какой-то, не пропойца, как мать, не трутень, а самый настоящий отец, со всеми вытекающими последствиями.

Пришел на работу, вызвал на улицу и вывалил на голову новость. Привет, мол, я твой биологический отец. Ничего так новость на девятнадцатом году жизни. И где же ты раньше был, папаша? Гулял-гулял, и вдруг в семью поиграть захотелось? А ты меня спросил, оно мне надо? Мне мамаша за глаза хватает, так еще и папаша объявился.

Оказалось, зря бузил. О существовании сына отец узнал всего неделю назад. Вечно пьяная мамаша не сочла нужным оповестить его о рождении ребенка. Ничего удивительного. Как сама-то об этом не забыла, вопрос. Ну, да бог с ней, как сложилось так сложилось. Решил отец наверстать упущенное, кто против?

Познакомились, начали общаться. Сначала осторожно, точно борцы на ринге друг друга прощупывали, а потом как-то все устаканилось. Даже весело стало. Олег (язык не поворачивался называть его отцом) оказался человеком весьма незаурядным. Много знал, много читал, на любую тему разговор поддержать умел. И подарками подкупить не пытался, что Никите нравилось больше всего.

Что матери денег подбрасывал – так это, можно сказать, производственная необходимость. По документам-то он Никите никто, а мамаша возбухать начала, мол, нечего к моему ненаглядному пристраиваться. Ты его не растил, не тебе и проценты стричь. Прямо так и сказала. И невдомек ей, что сын уже совершеннолетний, с кем решит, с тем и будет общаться. Олег же к ее причудам отнесся снисходительно. Деньги давал, но умеренно, потому и он, Никита, не сильно на счет этого переживал.

А месяц назад жизнь снова круто завернула. И новую черту разделительную провела на «до» и «после». Только теперь это «после» таким мерзким стало, хуже кучи дерьма. Раньше делилось «до отца» и «после отца», теперь к обеим границам прибавилось трагическое слово «смерть». Если вдуматься, понимаешь, насколько страшное это слово. Интересно, кто-нибудь еще об этом задумывался? Те, кто говорит: подумаешь, смерть, все мы рано или поздно умрем, так чего ее страшиться, – идиоты! Смерть страшна не тому, кто умирает, а тому, кто остается. Первому уже все равно, для него это просто конец всему. Но для того, кто остается, это понятие куда шире. Это не конец, это начало мучений. Начало душевных терзаний, боли, тоски и одиночества. Начало бессонных ночей и рек слез, пролитых в подушку. Начало черной депрессии и пустоты. Мало? Можно и продолжить, да только какая от этого польза?

Но самое страшное не в тоске и одиночестве. Самое страшное в вечном вопросе, который задают себе те, кто остался. Задают непременно, даже обязательно. Перед теми, кто остается, этот вопрос стоит всегда. Мог ли ты сделать хоть что-то, чтобы предотвратить смерть близкого человека? У каждого ответ звучит по-разному, но только в деталях. В главном он выглядит всегда одинаково: мог. Может, не в момент смерти, а намного раньше, но всегда мог.

Мог заставить жену пройти обследование молочных желез еще в тридцать, и тогда, в свои неполные сорок, она не умерла бы под ножом хирурга. Мог не покупать сыну первый мопед, и тогда в двадцать, войдя во вкус быстрой езды, он не разбился бы на гоночном мотоцикле. Мог не пустить подругу на курсы кройки и шитья, и тогда она не разбилась бы в самолете,

спустя десять лет отправившись на рабочую конференцию. Снова мало? Этот список можно продолжать до бесконечности...

Для Никиты точкой, когда он «мог», всегда будет стоять тот поход в развлекательный центр на Садовом кольце. Неудивительно, что мозг то и дело прокручивает его, как заезженную пластинку. Встреча была классная. Таких встреч становилось все больше: ушла неловкость, появились общие воспоминания, начали зарождаться общие интересы, и даже места отдыха стали «общими». И все же кое-что неприятное в эту встречу произошло. Тот звонок, который не дает Никите покоя. Когда зазвонил телефон, они сидели на открытой веранде, обустроенной под кафе. Олег пил кофе, Никита выбрал сок. Болтали ни о чем, пока не нащупали интересную тему, что-то про ацтеков. С некоторых пор Никиту заинтересовала история ацтеков, он читал любопытные статьи, изучал материал. И вдруг обнаружилось, что Олег в этой теме шарит не хуже профессора исторических наук. Ну, и зацепились языками.

А тут этот звонок. Олег явно не хотел брать трубку, в первый раз даже сбросил вызов. Но звонок повторился, потом еще раз и еще. Никита неловко ерзал на стуле, ему казалось, что отец не берет трубку из-за его присутствия. Тогда он схитрил. Сказал, что ему надо в туалет, поспешно поднялся и вышел. Оглянувшись от порога, увидел, что Олег уже разговаривает по телефону, и ушел. Когда вернулся, отец все еще продолжает говорить, отойдя к парапету, и явно был в сильном раздражении, так как разговаривал на повышенных тонах, и Никита невольно кое-что услышал. Не особо приятные вещи, надо сказать. Олег с кем-то спорил, вернее, ругался. Суть конфликта Никита не уловил, но и того, что услышал, оказалось достаточно, чтобы понять – Олегу кто-то угрожает, и ему не остается ничего другого, как угрожать в ответ. Стальные нотки в голосе новоиспеченного отца, злые льдинки в глазах, напряженные плечи и изменившийся до неузнаваемости голос: все это напрягало.

«По сути, что я знаю о нем? – пронеслось в голове Никиты. – Только то, что он посчитал нужным сообщить. А вдруг все его слова лишь пустой треп? Вдруг он не тот, за кого пытается себя выдать? Да нет, зачем это ему? Что можно с меня взять? Сомнительное наследство в виде пьющей мамы, больше ничего. И кто же в здравом уме позарится на такое богатство?»

А Олег продолжал наезжать на неизвестного собеседника. Говорил жестко, отрывисто, даже как-то беспощадно. Даже Никите, который к конфликту совершенно никакого отношения не имел, и то стало не по себе. Он остановился, не доходя двух столиков до Олега, и никак не мог решить, стоит ли сейчас попадаться на глаза отцу или лучше переждать. Неизвестно, на что он решился бы, но Олег заметил его раньше. Лицо его сразу преобразилось, расцвело доброжелательной улыбкой. Он призывно замахал рукой, подзывая Никиту, и скоренько свернул разговор.

Неприятную сцену они не обсуждали, так, парой фраз перекинулись и забыли. Вернее, сделали вид, что забыли. «Проблемы?» – спросил Никита. «Ерунда, не бери в голову», – ответил Олег. На этом все и кончилось. На тот момент.

Второе воспоминание должно бы, по идее, бить сильнее, а вот нет. Просто из головы не идет, душу выматывает, но угрызений совести при этом не вызывает. Никита в городском морге возле стеллажей холодильных камер. Справа стоит следователь, слева сотрудник морга, который ждет, пока Никита будет готов, так, по крайней мере, он сказал. А Никита уперся взглядом в дверцу камеры под номером «восемнадцать двадцать три» и ни слова произнести не может. Даже кивнуть в знак того, что готов, и то не в состоянии. Вокруг не осталось ничего, кроме этих выведенных трафаретом цифр. Они наползают, становятся все больше, будто хотят вырасти до размеров динозавра и сожрать всех, кто дерзнет прикоснуться к ручке дверцы.

Сожрать не сожрали, но сознание Никита все же потерял. Как сквозь вату услышал окрик следователя, ощутил на плечах заботливые руки работника морга, и следующее, что почувствовал, когда снова начал себя осознавать – это холод искусственной кожи, обтягивающей

кушетку. Следователь трюндел с кем-то по мобиле, а сотрудник морга легонько водил у носа Никиты ваткой, смоченной в нашатыре.

Опознание Никита все же произвел. Взглянул на Олега, накрытого белой простыней, признал в нем того человека, кого всего несколько месяцев назад узнал как своего отца, подписал соответствующие бумаги. На тот момент он просто не мог задавать вопросы, выслушивать детали и подробности того, что случилось с отцом. Вообще был не в состоянии общаться с кем бы то ни было. Следователь к его состоянию отнесся с пониманием. Наверное, ему не раз приходилось наблюдать подобное, поэтому он и не возмущался. Велел прийти в отдел завтра и даже на машине до дома подбросить предложил. Никита отказался. Отбрехался тем, что хочет побыть один, разобраться в своих ощущениях. Все-таки отцом ему Олег был всего несколько месяцев. По большому счету его смерть никак на жизни Никиты не должна отразиться. Подумаешь, все вернется на круги своя, на период «до отца». Следователь не настаивал, отпустил парнишку с миром. Никита пробежался быстрой рысцой от морга до набережной, но разве это прогулка? Слово «прогулка» подразумевает под собой нечто иное. Красивое место, приятная компания. Все неспешно, тепло и празднично. Но и домой ему идти в таком состоянии совершенно противопоказано. Там мать, а вместе с ней расспросы и неуместное любопытство.

«Матери еще как-то сообщить придется. – Никита мысленно застонал. Мучительно думать о том, как сказать родительнице, что ее калым накрылся, и при этом не возненавидеть за то выражение, которое наверняка появится на ее лице. – Нет, сегодня ничего говорить не буду. Не буду, и точка», – решил он.

Но сказать пришлось. Мать сразу поняла, что у сына неприятности, так что отнекиваться смысла не было. Какой бы черствой и безответственной ее не считали окружающие, но настроение сына она угадывала безошибочно. Да, она могла быть грубой, неприятно безбашенной, но если у Никиты возникали настоящие неприятности, она никогда не усугубляла ситуацию ворчанием или нравоучениями. В такие минуты она становилась обычной, почти нормальной мамой. Садилась возле сына, прижимала его голову к своему костлявому плечу и гладила по волосам до тех пор, пока его плечи не расслаблялись, дыхание не становилось ровным, а дурные мысли не улетучивались из головы раз и навсегда. Вот такой вот парадокс.

Весь вечер мать просидела тихо, как мышь, а наутро завела свою песню: и как же ей снова не повезло, да как же жизнь несправедлива. Только стала компенсацию получать за то, что столько лет одна на горбу сына тянула, как злодейка-судьба взяла и забрала кормильца. Попричитала, поохала, и давай Никиту пытаться, что да как с его новоявленным отцом приключилось, с чего это он вдруг решил на себя руки наложить. Причем вопросы задавала все дельные. Никите и самому хотелось бы узнать на них ответы. Интересовало мать все: начиная со способа самоубийства и заканчивая наличием завещания со стороны Паршина. Слово «самоубийство» она произносила легко, гораздо легче, чем Никита его воспринимал. А что тут такого? Устал человек, решил разом избавиться от всех проблем. Глупо? Глупо, но действительно.

Слушая мать, Никита все больше погружался в свои собственные мысли. Где нашли отца? Почему он был в том злополучном гараже в такой поздний час? И почему, если это действительно акт суицида, не сделать этого дома? У Олега своя квартира, не арендованная, за наличку купленная. Так зачем надо было снимать гараж? Странно это. В гараже он мог провисеть очень долго. Пока запах не пойдет. А в квартире консьерж. В его обязанности входит дважды за дежурство этажи обходить и мусор собирать. Оставил дверь открытой, консьерж обязательно на это внимание обратит. Все лучше, чем в собственные кроссовки зловонной жижей стечь. Так хоть похоронить по-человечески смогут.

Но следователь сказал, что Олег совершил акт суицида в арендованном помещении гаражного кооператива. До тех пор, пока не пришел к следователю, Никита был уверен, что отец повесился. Накинул петлю на шею и с табурета шагнул. Оказалось, что умер он от отравления угарным газом. Лежал возле выхлопной трубы, прямо под машиной. Услышав это, Никита

как-то сразу решил для себя: из жизни отец ушел не добровольно, ему помогли, и тут же выложил свои предположения следователю.

Тот сначала вежливо объяснял, что нет ни одной причины так думать. Следов насильственных действий на теле умершего нет. Следов пребывания в гараже посторонних – тоже. Опрос соседей никакой конкретики не дал, да следователь не особо на это и надеялся. По документам аренды Паршин снял помещение за день до смерти, ни с кем из соседей познакомиться не успел. Его даже не видел никто ни разу. И потом, по статистике, водители личного автотранспорта, решив свести счеты с жизнью, выбирают именно такой способ. Завел движок, прикрыл дверь гаража и можешь считать, что дело в шляпе. Ни боли, ни страха, ни времени на то, чтобы передумать. Уснул, и все.

А звонки? Так мало ли людей со своими коллегами или друзьями ссорится? Повздорили мужики, что-то не поделили и начали друг другу нервы трепать. Того, что слышал Никита, для обвинения в предумышленном убийстве маловато будет.

И все же Никита был уверен: Олег сам на себя руки не накладывал. И эта уверенность буквально сводила его с ума. Целый месяц он ходил сам не свой. Целый месяц перебирал в памяти каждый разговор отца с неизвестным, который от него явно чего-то требовал и угрожал не в шутку. Он еще раза три к следователю ходил, пытался убедить его, что в смерти Олега не все так просто, как кажется на первый взгляд. Но все безрезультатно. Тот его выслушивал, неизменно вежливо выкладывал перед ним факты и выпроваживал восвояси.

На прошлой неделе Дед не выдержал. Подкараулил Никиту после смены, отвел в сторону и велел выкладывать все начистоту. Никита отнекивался, сколько мог. Ему не хотелось, чтобы еще и на работе его за параноика держали, но Дед сердито фыркнул и заявил: или рассказываешь правду, отчего места себе три недели не находишь, или пойду к Колянну Степаньчу и потребую, чтобы до работы тебя не допускал, пока ты в таком состоянии. Никита взбрыкнул было, мол, за что допуска лишать, он разве плохо со своими обязанностями справляется? А тот напрямик: три дня назад чуть движок из-за Никиты не заporоли, потому как недоработал, болты не дотянул. Хорошо он, Дед, проконтролировать решил.

Никите на это и сказать нечего. Был косяк. Он еще с минуту упрямылся, а потом подумал: почему бы и нет? Дед не из болтливых, в чужие уши секреты не льет. И выложил все. И про странные звонки, и про скандальный разговор всего за несколько дней до смерти Олега, и про свои подозрения. И даже на следователя пожаловался, что тот доводов Никиты слышать не желает. Дед переубеждать его не стал, присел на деревянный ящик возле входной двери, вытащил из кармана неизменную беломорину, помял пальцами, прикурил. И выдал дельный совет: тебе, говорит, надо на Петровку идти. Есть там такой опер, Лев Гуров, к нему и обращайся. Он хоть и погоны полковничьи носит, но нос от таких, как мы с тобой, не воротит. И вообще мужик толковый, если кто и сможет в этой мутатени разобраться, так это Гуров.

Никита совет выслушал, на записку взял, но с визитом в Главное управление МВД не спешил. Кто он такой, чтобы полковник на него свое время тратил? Еще и аргументы в пользу Никитиной версии совсем хлипкие, с такими на Петровку не сунешься. Да и не пустят его к полковнику. Начнут «завтраками» кормить или лапшу на уши вешать, что, мол, на месте полковника нет. Походит Никита, походит, да и забудет на это дело.

Но дни шли, а лучше ему не становилось. Спать он совсем перестал, а если и задремлет в полном изнеможении, то всю ночь сны про отца видит. А тот вроде как осуждает Никиту. Что же ты, сынок, настоять на своем не можешь? Я ведь тебе не чужой. Неужели позволишь, чтобы эта мразь спокойно землю топтала, когда я в сырой земле гнию? Нехорошо это, ох, нехорошо. Будь я на твоём месте, кровью умыться твоего обидчика заставил бы.

Ледяной поток из душевой лейки прервал мысль. Никита открыл глаза и отскочил в сторону. «Вот черт, снова это! Всю воду горячую вылил. Не хватало еще простудиться. Сколько же я здесь простоял?» Он завинтил кран, потянул с крючка полотенце, обмотал его вокруг

тали и пошлепал босыми ногами в раздевалку. Там уже никого не осталось. Ну, почти никого. У выхода, привалившись к стене, стоял Дед. Никита сделал вид, что не замечает его. Насухо вытерся, натянул нижнее белье, взял в руки брюки. Дед дождался, пока он полностью оделся, и только после этого заговорил:

– К Гурову ходил?

– Времени не было, дядь Паш, – делая вид, что жутко занят, бросил через плечо Никита.

– Врешь! – спокойно произнес Дед. – Не ходил ты к нему, потому что и не собирался. Небось думаешь, что и он тебя слушать не станет, вот и не идешь.

– А что, нет? Разве я не прав? Можно подумать, он только меня и ждет!

– Может, и не станет. Поначалу. А ты убеди. Подай свою историю так, чтобы не смог он отказать. На жалость не дави – это последнее дело. И гонор не показывай, его и так издалека видать. Будь упорным, и все получится. Ясно тебе?

– Ясно, – хмуро кивнул Никита. – Будет время – схожу.

– Сейчас самое время, – взглянул на часы Дед. – Это мы освободились пораньше, а у оперов еще самая страда. Так что дуй-ка ты на Петровку и без согласия Гурова не возвращайся!

– А работать кто будет? – Никита предпринял еще одну попытку отмазаться.

– Ничего, насчет работы не беспокойся. Я тебя прикрою. Надо будет, так и в ночь за тебя останусь. Да у тебя сейчас клиентов все равно немного.

– Ладно, дядь Паш, я подумаю.

– Неделю думал, – напомнил Дед. – «Думалка» у тебя, что ли, сломалась? А раз так, считай, я и в этом тебе помог, за тебя все придумал. Как доехать, знаешь?

– Знаю. – Никита подхватил сумку. – Пока, дядь Паш, завтра увидимся.

Он чуть ли не бегом пересек двор, вынырнул на улицу и помчался вдоль проезжей части. Скорость развил приличную, боялся, что Дед за ним погонится. Дед не погнался. Никита добежал до второго перекрестка и остановился перед светофором, ожидая, когда тот загорится зеленым. «Может, и правда сходить? – мелькнула мысль. – Ведь не прибудут же меня там? Ну, отфутболят, так что с того? Не в первый раз, да и не в последний».

Он злился на Деда, который вновь поселил в его душе надежду, и в то же время был ему благодарен. Сомневаться и робеть, по мнению Деда, – это нормально. Ничего не предпринимать из-за сомнений и робости – вот это уже дерьмово. В какой-то степени Никита был с ним согласен. Человек должен преодолевать трудности, искоренять эти качества в себе. Особенно если он мужчина. А Никита считал себя мужчиной. Наконец зажегся зеленый, но дорогу Никита переходить не стал. Вместо этого дошел до автобусной остановки, дождался нужного маршрута и отправился на Петровку.

Глава 2

Когда дежурный сообщил, что к Гурову настойчиво просится молодой человек, тот только вернулся от генерала Орлова, который битый час разносил полковника на все корки. Раскрываемость у него, видите ли, упала. Показатели он ему портит. А кто виноват? Сам поручает ему самые безнадежные дела, за которые браться никто не желает. Гуров эти дела берет, носится с ними, как насадка над цыплятами, а ему за это еще и нагоняй! Где логика? Но нет, сегодня генералу на логику наплевать, ему проценты подавай. Припомнил Гурову все мелкие и крупные огрехи. Поменьше бы со стороны безнадежных дел брал, осталось бы время на текучку. Видите ли, его доброхотство дорого отделу обходится.

Дорого! А ничего, что ни одно из тех дел, которые он, по словам Орлова, «из-за своей мягкотелости» взялся расследовать, в «висяки» не попало? Это как? Не считается? А когда сам его, Гурова, дружку своему из Красноярска как толкового и, самое главное, безотказного опера рекомендовал, доброхотство в самый раз пришлось? А ведь он тогда с женой в Крыму отдыхал и никакими кровавыми делами заниматься не собирался. Как тогда Орлов пел: на тебя, Лева, вся надежда, не откажи двум старикам. Кто же поможет, если не ты! Лицемер паршивый! Двуличный Янус! Бюрократ заскорузлый! Закопался в своих бумажках, нужд людских не видит, вот и выделяется.

С таким настроением принимать посетителей, по какому бы вопросу те ни явились, Гуров не привык, а потому велел дежурному сказать, что сегодня он не принимает. Пусть приходят на следующей неделе. Парнишка оказался настойчивым, с первого раза дежурному не поверил. Заявил, что будет ждать столько, сколько нужно, и окопался на кресле для посетителей. Такой расклад дежурному пришлось не по вкусу. Охота была весь вечер под бдительным оком сопляка вахту нести? Ни расслабиться, ни чаю попить. Он снова связался с Гуровым, обрисовал ситуацию и от себя добавил, что проблемы-то у парнишки, похоже, серьезные. Совсем человека переживания доканали, кожа да кости остались да круги под глазами.

Но Гурова после нагоняя такими слезливыми историями не проймешь, поэтому он велел отправить парня к участковому по месту жительства. Пусть, мол, тот на официальном уровне с управлением связывается и требует помощи Главка. Поручит Орлов дело Гурову, тогда он и станет им заниматься. Дежурный передал заявление полковника слово в слово, и парень ушел. Теперь Гуров мог спокойно сидеть за рабочим компом и сколько угодно злопыхать на свое начальство. «Вот и отлично. Нечего сюда ходить. Здесь не богадельня, в конце концов. И я не единственный опер на Петровке, – мысленно ворчал Лев. – Пусть другие попашут вместо меня. А я теперь строго по приказу работаю».

Он поднялся из-за стола, прошелся до окна, открыл фрамугу и выглянул наружу. Свежий ветерок приятно охладил лицо. Июль в этом году баловал весенней прохладой. Жара будто отпуск взяла, на термометре вот уже неделю стабильные двадцать градусов застыли. И не жарко, и не холодно. Самое то. Взгляд его пробежался по зеленым кронам, опустился вниз и замер. На тротуаре, подняв голову вверх, стоял молодой человек и скользил взглядом по окнам здания, правда, без особой надежды на то, что кого-то там разглядит. В нем вообще не было надежды. Пустой взгляд. Нет, не совсем пустой. Безнадежное отчаяние, вот как охарактеризовал бы этот взгляд Гуров.

– Черт, только не начинай! – вполголоса проронил он, поняв, кто стоит под окнами. Тот парень, что пришел по его душу и которого он, в угоду генерала, отбрил. – Да пропади оно все пропадом!

Лев оторвался от окна, бросился к аппарату внутренней связи и, набрав номер дежурки, приказал:

– Савельев, верни парня! Так и верни, вон он под окнами стоит. Проводишь ко мне, пропуск я выпишу.

Уже через пять минут парнишка стучался в дверь кабинета.

– Входите, не заперто, – пригласил Гуров.

Парнишка вошел в кабинет, сделал пару шагов и остановился у порога. Лев жестом предложил ему сесть и, когда парень послушно занял стул напротив него, суховаато проговорил:

– Я вас слушаю.

– Я по поводу своего отца, – начал парнишка, но Лев тут же перебил его:

– Представьтесь, пожалуйста, так общаться легче. Мне, как я понимаю, представляться незачем. Раз уж вы так настойчиво ко мне рвались, значит, знаете, кто я.

– Полковник Гуров, – кивнул головой парнишка, – меня к вам коллега послал. Сказал, если кто-то и может помочь, так это вы.

– Давайте обойдемся без лести, – поморщился Лев и, бросив на парня быстрый взгляд, спросил: – Так как все-таки мне к вам обращаться?

– Никита Иноземцев.

– И что же вас привело на Петровку, Никита Иноземцев?

– С моим отцом произошла трагедия. Месяц назад его нашли в арендованном гараже под выхлопной трубой автомобиля. Он был мертв.

– Мои соболезнования.

– Спасибо.

Никита вдруг замолчал и уперся взглядом в пузатый бок графина, стоящего на столе. Плечи напряглись, желваки на скулах заходили ходуном. «Господи, да он ведь сейчас расплачется, – пронеслось в голове Гурова. – И что мне делать?» Плачущая женщина в кабинете оперативников – явление не редкое. Но чтобы заплакал мужчина – это нужно еще постараться. И опять же с мужчинами проще. Предложил воды или чего покрепче, дал сигаретку прикурить, он и успокоился, в руки себя взял, а после можно дальше общение продолжать. Но этот слишком молод! Ему водки не нальешь, да и прикурить предлагать как-то неправильно. «Да, дела! Умеешь ты, Гуров, геморрой себе на задницу находить!» – мысленно вздохнул он.

Но плакать Никита не стал. Минуты две длилась борьба с нахлынувшими эмоциями, после чего он сделал несколько глубоких вдохов и, вздохнув, снова заговорил:

– Причина смерти – отравление оксидом азота, образующимся в результате горения автомобильного топлива. Ну, и акт суицида. А я с этим не согласен.

– Скажите, Никита, у вас есть какие-то основания думать, что смерть отца не является добровольным актом, или же это всего лишь предположение?

– Я считаю, что моего отца убили, – проговорил Никита, и столько в его голосе было уверенности и решимости, что Гуров невольно проникся к парню уважением.

Вот ведь, сидит перед полковником желторотый юнец, наверняка не раз отправленный следователем в известном направлении, но не робеет, мнение свое высказывает, и сразу видно, что отстаивать его собирается до победного конца.

– Объясните, – попросил он.

Никита вкратце рассказал историю возникновения в его жизни Олега Паршина и быстро перешел к сути дела:

– Олегу угрожали. Думаю, не один раз. Лично я таких случаев могу насчитать минимум четыре, включая последний разговор, который произошел за неделю до его смерти. Не знаю, каким образом Олег собирался решить эту проблему, но один раз он применил ту же тактику, что и тот человек, который ему угрожал.

– Ту же тактику? Олег тоже перешел к угрозам, я правильно вас понял?

– Да, он перешел к угрозам, – подтвердил Никита и принялся оправдывать отца: – Поймите, его к этому вынудили. Они ведь не оставляли его в покое, хоть он и просил. Что ему оставалось делать?

– Заявить в полицию, например, – заметил Лев. – Каждой проблемой должен заниматься специалист. Но это мое мнение.

– Так он и хотел, – выпалил Никита. – Он ему так и сказал: не перестанешь мне звонить, пойду в «уголовку» и выложу все.

– В «уголовку»? Вы уверены, что Олег сказал именно это?

– Да, уверен. Я потом много раз этот разговор в голове прокручивал. Олег ведь бизнесом занимался, было бы логичнее, если бы он налоговой пригрозил или еще какой-то проверяющей структурой. Мол, пойду в ОБЭП и сдам вас, например. Ну, или в налоговую, или куда еще ходят, когда махинации финансовые вскрыть хотят. Но Олег сказал – в «уголовку». А что это может означать? Только то, что человек, который ему угрожал, минимум один раз уже преступил закон. Совершил что-то, за что ему грозит уголовная ответственность. Вот я и решил: чтобы избежать уголовной ответственности за прежние прегрешения, тот человек решил избавиться от отца. Разве такое невозможно?

– Тут вы правы, такое случается, и довольно часто, – согласился Гуров. – Чтобы скрыть одно преступление, преступник зачастую совершает второе.

– Ну вот! И я о том же. Олега убили. Под выхлопную трубу сам он не ложился, а следователь меня и слушать не желает.

– Возможно, ситуация очевидна, – мягко произнес Лев, не собираясь обнадеживать парня. – Иногда улики говорят так ясно, что никаких сомнений не остается.

– Да что могут сказать улики? Все что угодно. Вот подумайте сами, зачем отцу брать внаем гараж, если у него квартира своя? Залез в петлю, и дело с концом. А не в петлю, так газовые горелки в квартире еще никто не отменял. Духовка для такого дерьма вполне сгодится. Разумеется, ему, как водителю со стажем, могло быть известно, что оксид азота в десять раз более опасный, чем тот же угарный газ, но для того, чтобы лишиться себя жизни, и угарного вполне достаточно.

– Вижу, вы основательно этот вопрос изучили, – вздохнул Лев. – И все же одних телефонных звонков маловато будет. Быть может, ваш отец сам замешан в том деле, про которое грозился полиции рассказать? Вы ведь его практически не знаете, верно? Так почему не предположить худшее? Возможно, тот, что с угрозами звонил, знал вашего отца лучше, чем вы, и был уверен, что никуда он не пойдет, скорее руки на себя наложит. Вот он и наложил. Устал от бремени преступления, понял, что от шантажиста не избавится, и одним махом решил все свои проблемы. Такое, кстати, тоже нередко случается.

– Нет, полковник Гуров, такого быть не могло. Олег не преступник, – горячо возразил Никита. – Он никакого преступления не совершал. Тот, второй, – наверняка, потому что отец так говорил. Но сам он перед законом чист. Он тогда именно так и сказал.

– Попробуйте воспроизвести диалог полностью, – не столько ради выяснения фактов, сколько ради успокоения души попросил Гуров. – Слова, вырванные из контекста, можно интерпретировать как угодно.

– Хорошо, я попробую. – Никита наморщил лоб, пытаясь вспомнить разговор дословно. – Когда я подошел, отец ходил вдоль парапета. Он был зол. Первая фраза, которую я услышал, звучала так: «Ты свои угрозы побереги для другого лоха. Меня тебе не достать, и ты это прекрасно знаешь». Потом говорил тот, второй. Отец слушал. Затем его голос изменился, стал каким-то отстраненно-ледяным. Вот тогда он и сказал: «В общем, так, не хочешь по-хорошему, я могу и другой вариант разыграть. Не прекратишь меня доставать, пойду в «уголовку» и выложу им все про ваши художества. Ты знаешь, о чем я. И не нужно дурака из себя строить. Пятак свой ты по-любому получишь. Жаль, не сделал этого сразу, давно бы от тебя избавился».

Потом опять второй говорил, Олег даже трубку от уха отвел, тот, видимо, орал на него, но мне слышно не было. Под конец отец сказал: мое слово последнее. Либо ты навсегда из моей жизни исчезаешь, либо можешь считать, что заявление уже лежит на столе начальника уголовного розыска. Решать тебе. «Надеюсь, ты примешь верное решение», – и сбросил вызов.

– Пятак, говоришь? – задумчиво произнес Гуров. – Пятак за мелочовку не дают.

– Я и не думаю, что речь про мелочовку шла, – согласился Никита. – Потому и настаиваю на том, что отца убили. Ради того, чтобы избежать пятилетнего срока, могли и на убийство пойти. Тем более что замаскировали его под самоубийство. Отравился в гараже мужик, кто копать будет? Ну, отравился и отравился, одним меньше, одним больше. В Москве человеческих ресурсов немерено, от одного не убудет. Да и серьезных дел не впрокорот, чтобы еще с такой ерундой возиться. Можно на суицид списать, и хорошо, «висяка» на отделе не будет.

То, что парнишка попал не в бровь, а в глаз со своим «висяком», Льва несколько покорибило, но пока из рассказа Никиты он не мог сделать для себя каких-то выводов. Может, Паршин сам на себя руки наложил, а может, и помогли ему. Пятьдесят на пятьдесят, но в полиции и правда могли посчитать, что этих пятидесяти за глаза хватит, чтобы закрыть дело.

– Кто вел дело Паршина?

– Следователь Жизодра, – выдал Никита.

– Жизодра? Это из Кунцевского райотдела?

– Да, оттуда, – подтвердил Никита.

– Почему он?

– Отца в их районе нашли.

– А жил он где?

– В Царицынском районе, у метро «Кантемировская».

– Далековато гаражик, – заметил Лев.

– Я сказал то же самое, а следователь заявил, что снимал он его не под машину, под свою смерть, поэтому и выбор такой странный. Но если подумать, ничего странного в этом нет. Там места глухие, а аренда копеечная. Только я вот думаю: на черта ему деньги экономить, если он все равно воспользоваться остатком не планировал? Глупо. Так что, вы возьметесь за это дело? – с надеждой в голосе спросил Никита.

– Не думаю, что смогу чем-то вам помочь, – честно признался Гуров. – Пока из того, что вы рассказали, я не услышал ничего, чтобы однозначно вызвало сомнения.

Надежда, вспыхнувшая было в душе парнишки, тут же испарилась, будто клапан из воздушного шара вынули, и он за секунду сдулся. Взгляд снова приобрел тот оттенок, который Гуров называл «безнадежное отчаяние». «Черт, не смотри на меня так, – мысленно простонал он. – Не смотри, тебе говорят!» Будто услышав его мысли, Никита отвел взгляд в сторону. Посидел с минуту молча, затем так же молча поднялся и поплелся к двери. Лев смотрел ему вслед, и на душе становилось все паршивее. «Вот что ты за человек, Гуров, – чертыхнулся он про себя. – Правильно тебя Орлов сегодня песочил. Мало, видно, раз и часа не прошло, а ты снова за старое. Ведь ясно как день, что дело безнадежное. Куда лезешь?»

Но отпустить парня в таком состоянии, не оставив даже надежды, он просто не мог. «Ведь пацан совсем, едва двадцатник разменял, а уже такие перипетии в жизни. И что, оставить его всю жизнь с этим грузом жить? Не зверь же ты, Гуров! Забудь про Орлова, делай то, что подсказывает совесть».

– Погодите, Никита, – остановил Лев парня. – Вернитесь, обсудим кое-что.

Никита резко повернулся и снова сел на стул.

– Давайте поступим так: я свяжусь со следователем, изучу материалы дела, и после этого мы встретимся и поговорим. Такой вариант вас устроит?

– А разве у меня есть выбор?

– Выбор, брат, всегда есть. Пока человек жив, у него есть этот самый чертов выбор. Не забывайте, это вы пришли ко мне за помощью, и убеждать взяться за дело должны меня вы, а не я вас.

– Простите, – смутился Никита. – И поверьте, я благодарен вам уже за то, что выслушали меня. Предложение ваше очень щедрое. Все же какая-то надежда.

– Должен предупредить: следователя, который вел дело вашего отца, я знаю с положительной стороны, поэтому особо не обольщайтесь. Жизодра – мужик толковый, въедливый, если что-то учует, не отступится. Конечно, и он может ошибиться, он ведь не провидец, но шансов на это мало. Можно сказать, совсем крохотный шанс.

– Крохотный – уже хорошо, – немного повеселел Никита и вдруг добавил: – А знаете, я уверен, что вы увидите то, что проглядел Жизодра. Непременно увидите. До свидания, полковник Гуров. И удачи вам с расследованием!

Никита быстро поднялся и почти бегом выбежал из кабинета. Лев проводил его задумчивым взглядом и медленно проговорил вслух:

– Я тоже в этом почти уверен, Никита. Почти уверен.

Гуров не привык откладывать дела в долгий ящик, поэтому, полистав записную книжку, выудил из памяти телефона номер следователя Жизодры и нажал кнопку вызова. С Аристархом Генриховичем Жизодрой судьба свела его лет пятнадцать назад, когда тот делал первые неуверенные шаги в роли следователя районного отдела полиции. Помимо странной фамилии и экзотических имени-отчества, насмешница-судьба наградила Жизодру своеобразной внешностью. Рост под два метра сочетался с короткими, едва достигающими до пояса руками. Толстый мясистый нос соседствовал с утонченными скулами и длинной гусиной шеей. Красно-рыжие волосы упругими кудрями кустились над ушами и воротником, но категорически отказывались расти на макушке, отчего любая прическа на голове Жизодры выглядела как парик клоуна. В довершение ко всему глаза его так глубоко засели в черепе, что, даже когда он пребывал в приподнятом настроении, собеседнику казалось, что, кроме подозрения и неприкрытой злобы, те ничего выразить просто не умеют.

Такой винегрет из нелепых сочетаний должен был бы сделать из Жизодры закомплексованного нелюдима, но этого не произошло. Жизодра любил жизнь, любил людей и общение с ними. Он легко шел на контакт, всегда поддерживал любой кипиш насчет «посидеть за кружкой пива» или «устроить сабантуй». Часто сам выступал инициатором общественных мероприятий и если уж брался за его организацию, то делал все по высшему разряду.

Звонку Гурова Жизодра обрадовался, как подросток рождественскому подарку. Услышав в трубке голос полковника, он радостно завопил:

– Здорово, бродяга, где пропадал? Сто лет не звонил, я уж, грешным делом, начал думать, не помер ли ты. А ты вот он, живой и невредимый. Как жена? Как служба? С Крячко еще не разодрались окончательно? Хотя это вряд ли, вы ведь, как сиамские близнецы, срослись друг с другом самым дорогим – своими извилинами. Хороша шутка, что скажешь?

– И тебе не хворать, Аристарх Генрихович, – поздоровался Гуров. – Шутка твоя с бородой до пят, и ты это прекрасно знаешь. Так что похвалы не жди.

– Ну, вот! Так всегда. Пришел Гуров и все опошил, – продолжал балагурить Жизодра. – А я ведь старался. Повеселить хотел старшего товарища. А он в своем Главке совсем чувство юмора растерял, на бюрократические штампы променял. Эх, умирает старая гвардия, как пить дать умирает! Ты в курсе, что у нас опять начальство сменилось? Старые тараканы на покой ушли, новые зажигают. Не далее как вчера наш новый ставленник такое отчебучил, стыдно рассказывать.

– Стыдно, так не рассказывай, – посоветовал Лев. – Тем более что я тебе по делу звоню.

– Кто бы сомневался, – протянул Жизодра. – Когда это полковник Гуров мелкой сошке Тасику Жизодре просто так звонил? Ладно, я не в обиде. Не забываешь приятеля, и то хорошо. Что за дело?

– Месяц назад в твоём районе нашли труп. Паршин Олег, отравление выхлопными газами.

– А, это тот, что в гараже погиб? Помню. Что, парнишка его до тебя добрался?

– Как догадался?

– Да сразу было понятно, что просто так он от своей идеи не отступится. Я, правда, думал, он в прокуратуру жалобу накатает. Так, мол, и так, злой следователь не внемлет лепету младенца. Посодействуйте, пожурите этого черствого полицейского. А он с козырей зашел. Молодец, парень, уважаю!

– Что, совсем безнадежное дело?

– Да там все черным по белому. Видеозапись оставил бы, и то более очевидным это дело не стало бы, – заявил Жизодра. – А парнишку жалко. И желание его понятно, да только не все в этой жизни от нашего желания зависит.

– Думаешь, совсем никаких шансов? Даже одного захудалого не дашь на то, что Паршин не сам на себя руки наложил?

– Вопрос с подвохом? – усмехнулся Жизодра. – Ты ведь знаешь, что один шанс всегда есть. Про незаряженное ружье всем известно.

– Дело в архив уже передал?

– Хочешь покопаться? Что ж, приезжай. Выдам тебе материалы дела под расписку. И от себя кое-что добавлю, если будет желание послушать.

– Через час приеду, на месте застану?

– Да хоть через два. Посижу, подожду старого друга, – пообещал Жизодра. – Чайку органирую, чтобы на сухую не сидеть. У нас тут неподалеку кондитерскую открыли, там такая выпечка, ум отъешь. Приезжай, Гуров, угощу на славу. И пирогами, и баснями.

Лев сбросил вызов, не прощаясь. Взглянул на часы, часовая стрелка приближалась к шести. «Рабочий день почти закончился, а в свободное от работы время я волен делать что пожелаю, – будто продолжая спор с Орловым, мысленно проговорил он. – А желаю я заняться добрым делом. Кому не нравится, пусть катится ко всем чертям!» Выключив компьютер, запер кабинет, сдал ключ дежурному и поехал в район Кунцево.

Следователь Жизодра обещание сдержал. К приезду Гурова на столе чего только не было: пироги с вишней, заплетенные в узорные косы, горячие пончики, щедро обсыпанные сахарной пудрой, чебуреки, с пылу с жару, пирожки всех мастей и даже солидный кекс с изюмом и цукатами. Над тарелками с выпечкой возвышался самый настоящий самовар. Из «носика» привычно капало в подставленное блюдечко, только щепок для растопки не хватало. Вместо них от пузатого бока к электророзетке протянулся черный шнур. Разглядывая все это изобилие, Лев, не удержавшись, рассмеялся:

– Вот это, я понимаю, прием! И что я раньше не приехал?

– И я про то же, – поддержал шутку Жизодра, сгребая ладонь Гурова в свои крупные лапищи. – Сколько времени потерял, товарищ полковник. У нас здесь такой шикарь каждую неделю.

– И начальство одобряет?

– Начальство дольше трех здесь не задерживается, – сообщил Жизодра. – Не царское это дело в отделе до ночи торчать. На то смерды посажены.

– Да ладно тебе приbedняться. Небось сами рады, что начальство не усердствует.

– Так-то да, – согласился Жизодра. – У нас ведь как в армии: подальше от начальства, поближе к кухне.

Минут десять, пока Гуров определялся с угощением, болтали о пустяках. Вспоминали общих знакомых из окружения Гурова, затем все тех же общих знакомых из окружения Жизодры, но когда чайная чашка опустела, Лев перешел к делу. Отодвинув угощение, Жизодра выложил перед другом папку с делом Олега Паршина, и тот начал знакомиться с материалами дела. Как он и предполагал, работу Жизодря выполнил добросовестно. Протокол осмотра места происшествия, протоколы допроса свидетелей, протокол осмотра места проживания погибшего – все было на месте и оформлено как полагается. Здесь же лежал документ от патологоанатома. Результаты вскрытия по всей форме.

– Да, чистый материал, – кивнул Лев, отодвигая папку в сторону. – И все же есть в этом деле что-то, что мне совсем не нравится.

– Те злосчастные звонки? – предположил Жизодра. – Звонки дерьмовые, согласен. Только с чего ты взял, что они связаны с его смертью? Или хочешь доказать факт доведения до самоубийства?

– Не думаю, что хочу, – задумчиво проговорил Лев.

– Тогда чего ты хочешь? – настаивал Жизодра. – Чего ты на самом деле хочешь, Гуров?

– Хочу, чтобы у парня не осталось и тени сомнения в том, что его новоявленный отец свел счеты с жизнью. Чтобы из его головы раз и навсегда улетучилась мысль, что кто-то насильно забрал эту самую жизнь. Вот чего я на самом деле хочу, Тасик.

Тасиком Гуров называл Жизодрю только в моменты крайнего волнения. Жизодра понял, что вопрос для друга очень важен, и сменил тактику.

– Значит, посмотрим на дело с другой стороны, – заявил он. – За что здесь можно зацепиться? Начнем с того, что в Москву Паршин приехал не так давно. Это не означает, что за короткий срок он не успел нажить себе здесь кровных врагов, но все же более логично будет предположить, что проблемы Паршина тянутся с прошлого места жительства. А жил он в славном городе Череповце. И занимался наш погибший ни много ни мало торговлей металлом. Солидный бизнес, так ведь?

– Солидный и опасный, – согласился Гуров.

– Так и есть. Его прошлое мы проверили. Паршин не стал воротилой от металлургии, но свою нишу держал крепко и денежки вроде неплохие имел. Почему все бросил и перебрался в столицу? Тут два варианта: либо от банкротства сбежал, либо с партнером по бизнесу в контры вышел.

– Партнер по бизнесу что говорит?

– Ничего не говорит.

– Не опрашивали? – предположил Гуров.

– Не смогли. Его партнер, Якимушкин Сергей, примерно через месяц после того, как стал единовластным хозяином бизнеса, объявил себя банкротом и скрылся в неизвестном направлении.

– Искать пробовали?

– Побойся бога, Гуров, это же какая прорва времени и человеческих ресурсов нужна! Кто нам на суицидника средства выделит? – возмутился Жизодра. – Ведь никаких подозрений в том, что Паршину помогли уйти в мир иной, у нас нет. Сам же видел: следы насилия на теле погибшего отсутствуют, следов пребывания посторонних в гараже тоже нет. Свидетелей, которые могли бы заявить обратное, и тех нет. На каком основании я мог бы сделать запрос на разрешение продолжить расследование?

– А телефонные звонки?

– Сами номера за год по базе сотового оператора пробили. Там есть интересные моменты, но тоже только косвенно подтверждающие возможность того, что сын Паршина говорит правду.

– Поясни, – попросил Гуров.

– В основном номера, которыми пользовался Паршин, принадлежат разным фирмам, зарегистрированным в Москве. Это все новые связи. Из старых связей Паршин за шесть месяцев не использовал ни одну. Но есть там номера так называемых телефонов-одневок. Сейчас снова бум на эту бадягу. Покупают симку без регистрации, без предъявления документа и пользуются.

– Разве это не запрещено законом? – нахмурился Лев.

– А там система совсем другая, – пояснил Жизодра. – Вот ты работаешь, например, на региональную сеть мобильного оператора, а он тебе план по продаже подключений впендюкивает. Да такой, что совершенно нереально выполнить. Не выполнил – минус премия всей городской сети или лично твоей команде. А денежки старшие менеджеры терять не любят. И начинают хитрить. Заставляют своих продавцов выкупать симки десятками, а потом раздавать всем и каждому. Друзьям, знакомым, знакомым друзей и друзьям знакомых. В итоге такая симка может оказаться в руках любого москвича, а может, и жителя другого региона.

– Не понимаю, что с этого имеет компания?

– Компания ничего, а менеджер – солидную премию. У них ведь текучка жесткая. Сегодня получил премию, а завтра уволился или тебя уволили. Вот они одним днем и живут. Вернее, одним заработком. Ну, и потом, какой-то процент сим-карт все же входит в эксплуатацию. Вроде рекламы действует. Попользовался человек месяц бесплатной связью, увидел ее преимущества и отказался от своего прежнего оператора. Вот тебе и выгода.

– Короче, номера ничего не дали, – констатировал Гуров.

– Ничего – это не совсем так. Сами записи телефонных разговоров мы не прослушивали. Просто необходимости не видели, ведь это снова запрос делать надо, к начальству идти.

– Побоялся нового начальника разочаровать?

– Не я его, он свое начальство разочаровывать не захотел. Я-то все-таки подал запрос, просто чтобы совесть успокоить. И получил отказ. Нет, говорит, ни одного основания полагать, что Олег Паршин умер не своей смертью, значит, и мы в глаза начальству не полезем. – Про начальника Жизодра говорил исключительно недовольным тоном, сразу становилось понятно, что его кумиром тот не стал. – Вот найдешь хоть одно сомнительное звено, тогда и поговорим. Так заявил мой начальник. Понял, Гуров, как работать надо?

– Я понял то, что партнера Паршина и телефонные разговоры с незарегистрированных номеров не отработали.

– Правильно понял, полковник. Вот тебе и карты в руки. Раз уж решил копать в этом дерьме, бери ложку побольше, – рассмеялся Жизодра. – Да только чует мое сердце, что напрасно ты время потратишь. Нет в той бочке меда ни одной капли дегтя.

– А если все же есть?

– Если что-то накопишь – съем свою фуражку.

– Хотелось бы на это посмотреть, – улыбнулся Лев. – Теперь у меня дополнительный стимул к работе появился.

– Рад за тебя, полковник. Копай, а там посмотрим, – повторил Жизодра. – Будут вопросы – звони, а лучше заезжай. Снова тебя пирогами побалую.

Оригиналы материалов дела Паршина Гуров забирать не стал. Сделал копии, распихал по карманам, попрощался со следователем и поехал домой. Возвращаться в отдел не было необходимости, первый этап расследования можно было провести и в тихой домашней обстановке.

Глава 3

Гуров сидел в своем кабинете и решал сложный вопрос: каким таким волшебным образом преподнести генералу Орлову новость о том, что он снова ввязался в расследование дела, взятого со стороны? С того момента, когда генерал разносил его на все корки за доброхотство, прошло тридцать шесть часов, и вот он снова принимается за старое. Вряд ли эта новость обрадует генерала. Она и Гурова-то не особо радовала, но так уж вышло, что бросить дело Олега Паршина он теперь не мог. Не потому, что нашел неопровержимые доказательства того, что смерть его является убийством, а не суицидом. Доказательств у него вообще не было, но кое-что Орлову он предъявить все же мог. Уже мог.

Ночное бдение после посещения следователя Жизодры помогло понять, какие шаги следует предпринять для разъяснения ситуации. Приехав на следующее утро на работу, он отыскал капитана Жаворонкова и попросил оказать услугу вне рамок текущего расследования. На общественных началах, так сказать. Жаворонков вообще мало кому отказывал, а уж если дело касалось чего-то несанкционированного, тут он старался за троих. Лев выдал ему все данные на бывшего партнера Паршина Сергея Якимушкина и попросил собрать все, что сможет, не забыв сказать, что неплохо было бы узнать, где Якимушкин находится сейчас.

Жаворонков пообещал выполнить все как можно скорее. Сам Гуров отправился к руководству компании сотовой связи, которой при жизни пользовался Паршин. Но не напрямую в компанию, а через знакомого полковника из службы внутренней безопасности. Официального запроса на изъятие записей телефонных звонков с номера и на номер Паршина у него не было, и взять его пока было неоткуда, так что действовать пришлось противозаконными методами. Зато таким образом получить желаемое оказалось куда проще и, главное, быстрее.

Уже к вечеру у Гурова имелось все, о чем он просил. Он засел за компьютер и начал методично прослушивать телефонные разговоры. Сначала это были обрывистые фразы длительностью в тридцать-сорок секунд, а потом Паршин неизменно сбрасывал звонок. Но после восьмого или десятого звонка звонивший поменял тактику. Теперь он бросал короткую фразу-угрозу, и Паршин уже не мог игнорировать звонившего. Представляться тот никогда не представлялся, но Паршину, похоже, это и не требовалось. Выяснить, чего хочет тот, кто звонит, тоже нужды не было, так как фразы Паршина звучали примерно одинаково. Что-то вроде «оставь меня в покое» или «удали мой номер телефона, и тогда я забуду про тебя». Что именно Паршин забудет, он не сказал ни разу. Звонившего называл только «слушай, ты», ни имени, ни прозвища. А вот тот, кто ему звонил, называл его Олегом. Даже не по фамилии. Из этого Гуров сделал вывод, что оба знакомы друг с другом не первый день, только Паршину по какой-то причине неприятно произносить имя давнего знакомого. Вроде знака протеста, что ли, или чтобы показать, насколько велика неприязнь.

И только в последнем разговоре наконец-то проклюнулась конкретика. Паршин сказал, что материалы уничтожать не будет. Звонивший заявил, что тогда проблемы будут уже не у Олега, а у его новой игрушки. Гуров предположил, что речь идет о Никите, сыне Паршина. По всей видимости, так же подумал и Паршин. Он разозлился, и разозлился сильно. Не произнес банальных фраз типа «только попробуй его тронуть», не начал кричать, а ледяным тоном сообщил, что пойдет в «уголовку».

Эта угроза возымела обратный эффект. Вместо того чтобы испугаться, звонивший тоже разозлился. Сказал, что Олег сам виноват в своем положении, и, если не хочет его усугубить, пусть перестанет дурить. А Паршин продолжил угрожать. Весь разговор, переданный Иноземцевым, подтвердился слово в слово. И про пять лет, и про «уголовку». Он не слышал, как звонивший произнес фразу, где напрямую звучала угроза убийства. Выглядело это примерно так: «Ты мне угрожать вздумал, дерьмо трусливое? А ты рассказал своему драгоценному сыну, как

поступил, узнав то, что узнал? Сказал, что теперь ты соучастник? Ты ведь не пошел, не сообщил, куда надо? А по закону это соучастие. Или тебе самому не страшно на нары загреметь? А, узнаю благородного Олежку, он собой пожертвовать решил, лишь бы людям жизнь испортить. Адреналина не хватает? С огнем играть вздумал? Смотри, Олег, доиграешься...»

В этот момент разговора, как решил Гуров, появился Никита, потому что Олег быстро свернул разговор буквально одной фразой. «Я тебя предупредил: твой звонок – пусковая кнопка, помни об этом». И разговор прервался. Мало материала? Конечно, мало. Но с ним уже можно идти к Орлову.

А идти необходимо, Гуров это понимал как никогда. Жаворонкову, как он ни старался, выяснить местоположение Сергея Якимушкина не удалось. Ни по сотовому телефону, ни по зарегистрированному на него автомобилю. Железнодорожными билетами Якимушкин не пользовался, на самолете тоже никуда не вылетал. Жаворонков проверил даже водный транспорт и все туристические фирмы, предоставляющие услуги организованного отдыха, но Якимушкина не нашел. Так что же получается, партнер Паршина все еще в Череповце?

Однако и дома Якимушкина не видели много недель. Эту информацию Гуров получил от оперов из Череповца. Ребята ему попались сговорчивые. Записали адрес Якимушкина, отправили к нему домой участкового, тот пробил все, что смог. По словам соседей, Якимушкин не появлялся уже так давно, что и вспомнить трудно. За вещами не приходил, разве что глубокой ночью. В этом им клялась бабулька из соседней квартиры. Участковому она заявила, что бдит за всеми жильцами дома, а особенно за ближайшими соседями. Рассказывала это она чуть ли не с гордостью. Похвасталась, что спит не более двух часов за ночь, так что если Якимушкин и забрал шмотки из дома, то только в промежутке между половиной третьего ночи и половиной пятого утра.

Одним опросом участковый не удовлетворился. Подумав, он задал бабке провокационный вопрос: не ощущает ли она на лестничной площадке странного сладковатого запаха? Бабулька оказалась сообразительной, сразу смекнула, куда клонит участковый, и давай соловьем разливаться. Запах, говорит, присутствует, сейчас послабее, а вот недели две назад прямо дышать нечем было. Она, мол, даже хотела его, участкового, звать, чтобы тот разобрался, в чем дело. А что? Сереги-соседа сколько недель не видать, а на площадке вонь, как от мяса протухшего. Может, с человеком беда приключилась, а никому и дела нет. Вот сегодня и собиралась пойти в участок, а участковый сам пришел. Провидение, наверное.

И участковый, пригласив еще одного понятого, вскрыл дверь квартиры Якимушкина. Естественно, никакого трупа там не обнаружилось, как, впрочем, и запаха гнили, но ни бабка, ни второй понятой возмущаться не стали, так сильно обоим хотелось посмотреть, как богатенький сосед живет. Участковый проверил все шкафы, просмотрел содержимое ящиков прикроватной тумбочки, заглянул в холодильник. Одним словом, осмотр жилья Якимушкина провел по всей форме и констатировал факт: исчезновение свое партнер Паршина не планировал, так как вещи, включая дорожную сумку и кучу кредиток, остались на месте. В холодильнике запас продуктов на неделю, большая часть из которых давно просрочена. И цветы на подоконнике засохли. Дорогие цветы, из настоящих питомников, как заявил участковый. Такие растения без присмотра без особой необходимости не оставляют.

И все же Якимушкин пропал. Испарился, исчез из поля зрения. Как ему это удалось? Не он ли тот самый человек, который звонил Паршину с номеров-однодневок? Гуров полагал, что это вполне вероятно. А раз так, значит, и преступление, на которое намекал Паршин в телефонном разговоре, совершил Якимушкин. Или знал, кто и какое преступление совершил. Для Гурова это означало одно: если он хочет разобраться со смертью Паршина, надо узнать все про преступление, совершенное в Череповце. А для этого нужно убедить генерала Орлова вернуть дело Олега Паршина из архива и вновь пустить его в разработку, а также уговорить

Орлова организовать для Гурова командировку в Череповец. Дистанционное взаимодействие с правоохранителями Череповца – это, конечно, хорошо, но личного присутствия не заменит.

Пока Гурову в голову никакие гениальные идеи не шли. Только прийти и все выложить начистоту. Знать бы заранее, как генерал отреагирует, он бы так и сделал, ни минуты не сомневаясь. А если генерал откажет? Что тогда делать? Наплевать на запрет и ехать без одобрения? Бросить работу ради смутного ощущения того, что в деле Паршина не все гладко? «Представляю, как взбесится Орлов, когда узнает, что я все же уехал в Череповец, – размышлял Лев. – Тут строгачом не отделаешься. А Маша? Что скажет она?» Об этом ему и думать не хотелось. Его жена, Мария, очень тепло относилась к генералу, всячески поощряла их давнюю дружбу и категорически не терпела ситуаций, когда Гуров своим упрямством огорчал Петра Николаевича, как уважительно называла она Орлова.

– Эй, отчего ты друг не весел? Буйну голову повесил?

Гуров и не заметил, как в дверях появился Стас Крячко. Настроение у него было бодрое, щеки блестели, точно он их только пару минут назад выбрил. По кабинету разнесся приятный аромат одеколona вперемежку с запахом пены для бритья.

– Ты что, из парикмахерской? – удивленно спросил Лев.

– А что тебя так удивляет? – вопросом на вопрос ответил Крячко. – Каждый уважающий себя опер должен следить за своим внешним видом. Да, я побывал в парикмахерской. Милая дама предложила мне опробовать новую услугу, я не смог отказать, вот и все.

– Дама... – протянул Лев. – Тогда понятно. Даме ты и правда не мог отказать. Хорошо еще, что тебе предложили всего лишь щеки побрить, а не голову.

– Ну, с волосами я бы ни за что не расстался, – бережно огладил свою шикарную шевелюру Стас.

– Даже ради милой дамы?

– Даже ради нее, – хмыкнул Стас и спросил: – А ты чего такой угрюмый? Случилось что? Только не говори, что, пока я наслаждался нежными руками женщины-цирюльника, ты наприсился на новое расследование!

– В «десятку», – кивнул Лев.

– Черт, Гуров, тебя на минуту одного оставить нельзя, – возмутился Крячко, но праведный гнев его остыл, так и не вспыхнув. – Хоть интересное? Хочется чего-нибудь кровавого. Маньяка с тесаком, душителя из подмосковной глубинки или, на худой конец, взрывателя, только чтобы эффектные взрывчики, резонансные.

– Пустомеля ты, Стас, – добродушно рассмеялся Гуров. – А дело может оказаться очень даже кровавым.

– Может оказаться? Ты что, не знаешь, какого рода преступление расследовать собираешься? Орлов не успел в курс дела ввести? – начал сыпать вопросами Крячко. – Это хорошо, что не успел. Вместе пойдем, тебе пересказывать не придется.

Лев открыл было рот, чтобы сообщить о том, что это он собирается предложить дело генералу, а не наоборот, но передумал. «Пусть идет, будет катализатором. Чем сильнее он станет возмущаться, тем больше шансов, что Орлов примет мою сторону».

Так уже бывало. Гуров выкладывает новости в кабинете генерала, вносит безумные предложения, связанные с расследованием, и Крячко непременно начинает возмущаться – и сложно это, и долго, и народу много требуется. А Орлов, выслушав его реплики, начинает аргументированно возражать. Сложно? Так на то мы и полиция, чтобы сложности преодолевать. Долго? А вы постарайтесь сократить срок расследования. Народу много? Да на кой вам вообще народ? Вы и вдвоем прекрасно справитесь. Заканчивались такие споры всегда одинаково. Орлов отдавал приказ выполнить оперативно-розыскные мероприятия в полном объеме, а Крячко возмущенно дулся часа три, после чего приступал к работе.

На этот раз фокус Гурова не прокатил. Крячко, услышав новость, на добрых десять минут лишился дара речи, зато Орлов заголосил за двоих. Ух, он распалился! К тому, как генерал умеет метать громы и молнии, Лев был привычен, но даже он не ожидал такой бурной реакции. Какими только эпитетами Орлов его ни наградил, пока запал не иссяк. Когда же у генерала поток красноречия закончился, из ступора вышел Крячко.

– Да, ситуация, – медленно протянул он, и Лев приготовился к новой атаке, но неожиданно Стас принял его сторону, правда, понял он это не сразу. – Такую с разбегу не перескочишь. И ведь как завернул-то, зараза. Все просчитал, как по нотам разыграл.

Орлов перевел взгляд с виновника конфликта на Крячко, а тот задушевно так продолжал:

– В принципе расчет его понятен: у правоохранителей дел по горло, кто станет убиваться по самоубийце, тем более когда у него из всей родни в живых один сын, да и тот официальным родственником не является? Тут и заявление некому написать, не то что добиваться от полиции реальных действий. И старое преступление прикрыл, и новое от своей персоны отвел. Молодец, мужик, кем бы он ни был, а уважение заслужил.

– Я не понял, ты сейчас убийцей восхищаешься, что ли? – Брови Орлова изогнулись удивленной дугой. – Вроде как хвалишь его?

– А как иначе? – невозмутимо проговорил Станислав. – Череповецких ментов провел, нас с «хвоста» сбросил, так? Значит, башка у него варит получше нашего. Грех таким не восхищаться.

– Да ты что, сдурел совсем? Уголовниками восхищаться! – возмутился генерал.

– Так если он нас обыграл, почему не похвалить человека? Мы вот тут сидим уже добрых полчаса, а что за это время сделать успели для того, чтобы уголовного на чистую воду вывести? Ничего. – Крячко развел руками, подкрепляя свои слова жестом. – Более того, мы и не собираемся ничего предпринимать, чтобы правда восторжествовала. Ну, да и черт с ним. В конце концов, не он первый, не он последний. Может, вы и правы, товарищ генерал. Стронешь с места кучу дерьма, вони на недели, а благодарности, в случае удачного раскрытия дела, хорошо если на пару дней хватит. Тут я с вами согласен, лишняя головная боль нам ни к чему. Как говорится: не тронь говно, оно и не пахнет.

– Так! Что-то я не припомню, чтобы ратовал за бездействие, – нахмурился Орлов. – Как-то ты, Стас, слова мои неверно интерпретировал.

– Да как же неверно? Все очевидно, и по мне, так очень даже правильно. Верная тактика. Заявления ни нам, ни череповецким не поступало, значит, мы можем спокойно закрыть глаза на гуровские штучки. Разве вы не это имели в виду? – Крячко в притворном удивлении округлил глаза и потихоньку подмигнул напарнику. Гуров уже давно понял, какого эффекта ждет от своей речи напарник, и на душе у него потеплело. «Вот хитрец, нашел-таки способ зацепить старика», – с благодарностью подумал он.

– погоди, Стас, не части. – Орлов наморщил лоб, пытаясь понять, какую из вышесказанных фраз Крячко принял как призыв к бездействию. – Я не говорил, что на преступление можно закрыть глаза. И вообще, разговор шел о Гурове.

– Разве? А я понял, что о Паршине и бредовой идее его сына найти убийцу отца. Но раз про Гурова...

– Именно так. Не в Паршине дело и не в его сыне. И даже не в череповецком преступлении, будь оно неладно. Ясное дело, оставлять без внимания телефонные угрозы не есть хорошо. Но что мы можем? Чтобы начать расследование, нужно хотя бы иметь уверенность в том, что преступление имело место. А у нас что? Безосновательные предположения Гурова да беспредметные намеки человека, личность которого установить не представляется возможным.

Орлов снова начал горячиться, но, поймав смеющийся взгляд Крячко, затем напряженный Гурова, понял, как ловко Крячко вывернул ситуацию в свою пользу, и рассмеялся:

– Вот ведь хитрец! Добился своего, столкнул генерала на свою колею.

– Да что вы, товарищ генерал, у меня и в мыслях такого не было, – продолжал хитро улыбаться Стас. – Хотите пожурить Гурова за его безмерную инициативу, так я только «за». Если честно, меня самого все это задрало! На полчаса в парикмахерскую отошел, а он вон что вытворил. Повесил на отдел безнадежный «висяк», откопал второй, а тот вообще не в нашем городе. И все это втихую. Вам бы такое понравилось, товарищ генерал? Вот и мне не по душе. Да я бы на вашем месте взял и отправил его в неоплачиваемый отпуск. Раз он такой сердобольный, пусть за свой счет расследование проводит.

Орлов бросил быстрый взгляд на Гурова. Тот сидел с каменным лицом, его реакцию на предложение Крячко понять было невозможно. А Стас продолжал заливаться соловьем:

– И помощников ему не давать. Сам кашу заварил – сам и расхлебывай. Спрашивается: на фига ты этого Никиту привечал? Дело кто вел? Гуров? Нет. Вот и отправь его к человеку, специально уполномоченному. Тебя это вообще не касалось. Что, не мог отказать парнишке? У нас тут не богадельня, в конце концов.

– Ну, это уже перебор, – осуждающе покачал головой Орлов. – Так вот людям отказывать не дело. Пришел человек, уж выслушать его ты обязан.

– Ага, вот он и выслушал. Наслушался так, что теперь командировку с вас требует.

– Требует, значит, надо.

– Кому надо, товарищ генерал? Что вообще в этом Череповце делать? – подзадоривал Крячко. – Убийцу искать? А кого он убил, этот убийца? Непонятно. Сначала придется попотеть, чтобы труп найти. А потом еще и за убийцей гоняться! Вот это головняк так головняк. Ничего себе, выслушал ходока!

– Не преувеличивай, Стас, не так все критично. – Орлов больше не нападал на Гурова, а пытался взглянуть на ситуацию с его точки зрения. – Лева, что там у нас по текущим делам?

– Затисье, товарищ генерал. С томилинскими разобрались еще позавчера, материалы все передали. У Костяева бумажной волокиты дня на два, остальные хвосты подчистили.

– Ясно-ясно. Успел почву подготовить. Ладно, твоя взяла, будет тебе командировка. С делом Паршина пока повременим, пусть в архиве постоит. А с череповецким трупом разбирайтесь. На все про все вам три дня. Не будет результата – спишу расходы за ваш счет, а потраченные дни в счет отпуска пойдут. Но если удастся доказать, что в Череповце произошло убийство, тогда дам командировке официальный ход. Отправляйтесь немедленно, с череповецкими ребятами я созвонюсь.

Гуров коротко кивнул. Крячко посмотрел на него, как на полоумного, а когда до него дошло, что заявление Орлова касается не только напарника, но и его самого, вскочил со стула и возмущенно спросил:

– А я-то тут с какого бока? Ко мне никто за помощью не обращался, я никому ничего не обещал. Гуров напробился – пусть он за свой счет и пашет.

– Не ори, Стас, – поморщился Орлов, но в глазах его плескались смешинки. – В следующий раз будешь заранее думать о последствиях, когда решишь другу в беде помочь.

– Вечно ты, Гуров, меня в авантюры втягиваешь, – направил свой гнев на напарника Стас. – На хрена мне твой Череповец сдался?

– Отставить споры! – остановил его генерал. – Собирайтесь, ваше время пошло. И вот еще что, Стас, запомни: если уж вы напарники, значит, во всем должны действовать сообща. Хоть под пули лезть, хоть финансовые потери нести. И больше чтобы я этого не слышал.

Крячко слегка смутился, он не собирался отпускать Гурова одного в чужой город. А что трепался, так это скорее на автомате, из роли еще не вышел. Примерно это он хотел сказать Орлову, но в последний момент передумал. Время утекало, а командировку им выписали всего на три дня. Козырнув, он первым вышел из кабинета, Гуров последовал за ним. Орлов проводил друзей долгим взглядом, затем достал мобильный телефон и набрал номер начальника

Череповецкого управления МВД. Трубку сняли после первого гудка. Из динамика донесся слабый треск, затем его сменил высокий мелодичный голос:

– Здравия желаю, товарищ генерал-лейтенант!

– Здорово, Серега, как жизнь молодая?

– Бьет ключом. С детишками погулять и то некогда.

– У тебя же нет детей, – проговорил Орлов.

– Нет, так будут, – уверенно произнес Серега и перевел разговор: – Вы к нам по какому вопросу?

– По уголовному, Серега. По уголовному.

– Вам поручили расследование в нашем городе? Мне казалось, вы больше по безнадежным делам. Где внештатная ситуация, туда из Главка вызывают, а у нас вроде как тишина теперь. Ни убийств, ни грабежей и вообще ничего, что могло бы отвлечь от дурных мыслей. Вот я и недоумеваю: для нас у начальства интересных дел нет, а для столичных сразу накопили. – Серега шутил, но доля правды в его словах все же была.

– Не завидуй, Серега. Дело совсем безнадежное, за такое вряд ли поощрять станут.

– А что так?

– Материалов кот наплакал. Свидетелей страшно в суд вызывать, настолько они все ненадежные, – принялся перечислять Орлов. – Да еще в официальном порядке действовать нельзя. Одним словом, не расследование, а сплошная головная боль.

– Помощь нужна?

– Еще как нужна.

– В чем именно?

– Сегодня к вам мои ребята подъедут. Вы уж их разместите так, чтобы не обидеть. С кормежкой вопрос они сами решат, а вот относительно проживания, если сумеешь помочь, я буду тебе весьма благодарен.

– Кто едет? – спросил Серега, который всех орловских ребят знал либо по рассказам, либо был знаком лично.

– Гуров и Крячко.

– Отлично! Встретим по высшему разряду, товарищ генерал-лейтенант, – пообещал Серега.

– Ну, добро. Твой номер Гурову сброшу. Как до места доберутся, тебя наберут.

Номер Сереги Орлов переслал Гурову с коротким пояснением, к кому и куда обращаться, и на этом о расследовании забыл.

А Лев в это время сидел на водительском сиденье своего «Рено» и нетерпеливо выстукивал костяшками пальцев по рулевому колесу в ожидании Стаса, который остался в кабинете вроде как сумку дорожную собрать. «А чего там собирать? – подумал он. – Его сумка, так же как и моя, в шкафу лежит, своего часа дожидается».

«Тревожный» чемоданчик в полиции никто не отменял, просто выглядел он теперь несколько иначе, так как деревянный кейс сменила удобная прорезиненная ткань спортивной сумки. Но сути своей он не изменил: все та же смена белья, все те же туалетные принадлежности, сухой паек на трое суток и другие полезные мелочи вроде фонарика и перочинного ножа. Так чем же можно заниматься в кабинете четверть часа?

Лев полагал, что напарник намеренно тянет время. Обиделся. Считает, что он его подставил. Сначала скрыл, с чем к генералу ведет, затем спровоцировал подначить старика принять сторону Гурова, а в итоге ему же пришлось срывать с места, менять личные планы да еще и зарплатой рисковать. И все ради чего? Чтобы в итоге мчаться к черту на куличики, тогда как весь офицерский состав наслаждается относительным затишьем? Перспектива не из приятных, любой на месте Крячко отреагировал бы так же.

К машине Стас вышел спустя почти полчаса. Молча сел на заднее сиденье, предварительно забросив сумку на переднее. Немного подумав, улегся спиной к Гурову, всем своим видом показывая, что общаться с коварным другом не собирается. Лев не стал реагировать на демонстративную выходку. «Ничего, пусть дуется, все равно больше чем на два часа его не хватит», – решил он, завел двигатель и выехал на проезжую часть.

По трассе до Череповца предстояло ехать больше пятисот километров, по времени это должно было занять не меньше семи часов. Выбирая маршрут, Лев особо долго не думал. Разница в километраже незначительная, а пробки на любом маршруте собрать можно.

На этот раз Гурову повезло, дорога оказалась относительно пустой, лихачей, так раздражающих законопослушных водителей, на пути не попадалось. Крячко молчал, и Лев мог спокойно подумать, с чего начать расследование по прибытии в Череповец. Известие о том, что личным гидом для них с Крячко в Череповце будет сам начальник УМВД полковник Быстряков, его порадовало. Быстрякова он знал лично, пару раз встречались по работе и еще столько же в неформальной обстановке. Тот был порядочным человеком, добросовестным менеджером и адекватным руководителем, поэтому Лев и радовался. Он считал, что расследование надо начать со сбора информации по партнерам Паршина: с кем вели дела, через кого сдавали металл на завод, у кого ходили в должниках, кто ходил в должниках у них. Еще не помешает поработать со сводками несчастных случаев, убийств и пропавших без вести. Все эти мероприятия удобнее всего проводить, имея надежный тыл, каковым и был полковник Быстряков.

– И все-таки ты, Гуров, сволочь, – прервал его сердитый голос с заднего сиденья. – Порядочная, но сволочь.

– Считать это комплиментом? – пошутил Лев.

– Чем хочешь, тем и считай, – пробурчал Крячко. – Вот ты мне скажи: какого хрена мы забыли в Череповце? Ты хоть отдаленное представление имеешь, что мы там будем делать?

– Разумеется, имею. У меня план мероприятий длиной в железнодорожную магистраль Москва – Ашхабад.

– Промашка, товарищ полковник, такого маршрута больше не существует. На настоящий момент славное государство Туркменистан в железнодорожном сообщении сопряженным странам отказало.

– И правильно сделало. – Гуров снизил скорость, плавно вводя машину в поворот. – Только это от неконтролируемого ввоза наркотиков их и избавило. Но длины моего списка это никак не умаляет.

– После такого заявления хочется выдать крылатую фразу из фильма про Шурика. Язык так и чешется.

– Чешется, так выдай, – хмыкнул Лев.

– Банальностями сыт по горло, – принялся балагурить Крячко. – Хочется чего-то оригинального.

– Маньяка с тесаком, душителя из Подмосковья, взрывателя с эффектными взрывами. Я помню.

– А почему нет? Душитель куда лучше несуществующего трупа. С этим ты спорить не можешь.

– Есть труп, Стас, – возразил Гуров. – Как пить дать есть.

– Да не про нашу честь.

– Ничего, отыщется труп, никуда не денется. Вот увидишь, срок, Орловым назначенный, и вполювину не закончится, а труп у нас с тобой на руках будет.

– Твоими бы устами, – вздохнул Крячко. – Ладно, выкладывай свои соображения. Все равно время как-то убить нужно.

Гуров снова прибавил скорость, после чего принялся делиться с напарником соображениями относительно расследования. К тому моменту, когда «Рено» припарковался возле зда-

ния УМВД Череповца, список розыскных мероприятий обрел уверенную форму. Перед въездом в город Лев успел созвониться с полковником Быстряковым, и тот велел подъезжать к управлению. Там их ждал провожатый, лейтенант Обыденнов, который проводил их до временного жилья и передал, что полковник ждет их завтра в своем кабинете ровно в девять. Отдав гостям комплект ключей от служебной квартиры, Обыденнов удалился. Дорога утомила, поэтому спустя двадцать минут оба полковника уже видели цветные сны, отложив заботы до утра.

Глава 4

– Ну, Гуров! Ну, сукин сын! Когда Петр Николаевич позвонил и сказал, что вы едете ко мне для выполнения невыполнимого задания, я, признаться, отнесся к идее скептически. Ладно, думаю, пусть прокатятся москвичи, растрясут жирок. Смена обстановки при нашей работе лишней никогда не бывает. Но подумать, что к полудню невыполнимое задание перейдет в противоположный разряд, такого я представить не мог! Да и вы наверняка на это не рассчитывали.

Пышную хвалебную тираду полковник Гуров выслушал, сидя в кабинете полковника Быстрякова после четырех часов кропотливого труда. Строго говоря, стрелки часов уже час как перевалили за полдень, но существа дела это не меняло. Результат действительно превзошел все ожидания. За те часы, что Гуров и Крячко провели в Череповецком управлении, штудировав материалы, по приказу Быстрякова собранные лейтенантом Обыденновым, они успели перелопатить такой объем информации, какой и целому отделу статистики одолеть было не под силу.

В первую очередь обработали материалы по бизнесу Паршина. Надо отдать должное оперативникам Быстрякова, которые умудрились собрать полную базу по интересующему столичных гостей вопросу еще с вечера. Когда получили представление о масштабах связей Паршина, возник вопрос: как мог человек, занимающий настолько стабильное положение в прибыльном бизнесе, взять и добровольно все бросить? Вывод напрашивался сам собой: для этого должна быть веская причина. Так почему не предположить, что версия Никиты Иноземцева работает?

После такого вывода кропотливый труд уже не казался ни пустым, ни безнадежным. Гуров и Крячко с усиленным рвением взялись за бумаги. Запоминали каждую фамилию, которая хоть раз встречалась в отчете. Тщательно сверяли со сводками пропавших без вести, жертв преступлений и случаями суицида. И нашли-таки то, что искали. Совпадение по всем пунктам: индивидуальный предприниматель по приему черного металла Волков Александр сорока двух лет умер при невыясненных обстоятельствах около восьми месяцев назад. Его нашли на складе, заваленным его же ломом.

Гурову он показался идеальным вариантом. Волков крутился в том же бизнесе, что и Паршин. Номер его мобильного телефона был зафиксирован в записной книжке покойного. Дата, когда Волкова настигла смерть, вполне подходила по временным рамкам. Недели не прошло со смерти Волкова, как Паршин, бросив бизнес, переехал в Москву. Оставалось выяснить, насколько неоднозначны обстоятельства смерти Волкова. В сводке указали «Смерть в результате несчастного случая», но любому оперу со стажем было ясно, что под эту статью можно подвести что угодно, лишь бы родственники покойника не особо нажимали.

Стоит следователю закрыть глаза на пару-тройку нестыковок, и готово. Это даже не «при невыясненных обстоятельствах». Несчастный случай он и есть несчастный, чтобы причины не иметь. Поделиться результатом вызвали Быстрякова. Тут он и выдал свою тираду, не согласиться с которой было сложно.

– Нам бы со следователем, который вел дело, пообщаться, – оставив без комментариев заявление Быстрякова, высказался Гуров. – Это возможно?

– Без вопросов. Кто подписывал протокол осмотра места происшествия?

– Капитан Лысов.

– Это Индустриальный район, – подумав, ответил Быстряков. – Сюда вызвать или сами прокатитесь?

– Лучше сами. Как он вообще, толковый парень этот капитан Лысов?

– Парень? Парень толковый. – Быстряков чему-то улыбнулся. – Думаю, вы с ним найдете общий язык.

– Тогда тем более незачем человека с рабочего места дергать. Свои стены всегда приятнее, – сделал вывод Гуров. – Куда ехать, подскажите?

– Даже лучше, я вам провожатого дам. Лейтенант Обыденнов подойдет? – Не дожидаясь ответа, Быстряков набрал дежурного и велел прислать Обыденнова.

Тот явился в кабинет буквально через полминуты, будто за дверью ждал. Выслушав приказ, козырнул начальству и распахнул дверь, жестом приглашая полковников на выход. Гуров и Крячко послушно двинулись к дверям.

На парковке лейтенант поинтересовался, как они предпочитают ехать: на служебной машине или на своем авто. Посоветовавшись, решили ехать на «Рено» Гурова. Обыденнов занял место возле водителя, опять же на правах провожатого, Крячко забрался на заднее сиденье. В двух словах Обыденнов объяснил, каким курсом следовать, после чего Лев завел двигатель, и машина тронулась.

Индустриальный район представлял из себя нечто среднее между промышленной зоной и спальным районом. Застройка части жилых домов подходила чуть ли не вплотную к заводам, которыми район был напичкан под завязку. Лейтенант взял на себя роль гида и рассказал, что исторически Индустриальный район является ядром города, начало свое он берет еще из восемнадцатого века.

В те времена строгих правил относительно санитарно-защитных зон не существовало, вот и строили заводы вперемежку с жилыми домами. С некоторых пор ситуация изменилась, санитарная зона с пятикилометровой отметки перескочила на километровую, и власти города все обещают произвести расселение жилых кварталов, но пока дальше обещаний дело не продвинулось.

Отделение полиции приютилось на границе промышленной и спальной зоны. Не успел Гуров припарковаться, как Обыденнов уже выскочил из машины, живеньким шагом прошагал до крыльца и скрылся внутри, не дожидаясь полковников. Те недоуменно переглянулись, но останавливать лейтенанта ни тот, ни другой не стали. Решили, что он хочет предупредить коллег о приезде столичных гостей. Из вежливости постояли какое-то время возле машины, дождались возвращения Обыденнова и только после того, как тот призывно махнул рукой, прошли внутрь.

Там их уже встречал капитан Лысов. Он представился, пожал руку Гурову, затем Крячко и жестом пригласил войти. Парнем Лысов был лет этак сорок назад, сейчас же это был пожилой, убеленный сединами мужчина. На вид ему можно было дать лет семьдесят, но впечатление это могло оказаться обманчивым, учитывая контраст между изборожденным морщинами лицом и удивительно молодыми, смеющимися глазами.

– Добро пожаловать на череповецкую землю, господа полковники. – Голос у Лысова оказался густым и приятным. – Уж простите лейтенанта, успел раззвонить, кто в наше захолустье пожаловал.

– Добрый день, капитан, – оздоровался Гуров. – Представляться нужды нет?

– В точку. – Губы Лысова растянулись в широкой улыбке. – Ну а я капитан Лысов. Можно просто Иван Степанович.

– По какому вопросу к вам, тоже в курсе?

– Чего не знаю, того не знаю, – развел руками Лысов. – Разведка сбой дала.

– По поводу смерти Александра Волкова, – начал Гуров. – Это бизнесмен из местных, найден на территории...

– Я помню дело Волкова, – жестом остановил его капитан. – Давайте пройдем в кабинет, там и поговорим.

Кабинет Лысова располагался на первом этаже, окна выходили во внутренний двор, в центре которого рос чахлый каштан – единственная достопримечательность местного отдела полиции. Лысов усадил гостей на диван, обитый простой тканью в крупную клетку, сам же

предпочел остаться стоять. Гуров вкратце изложил причины интереса к делу восьмимесячной давности, после чего Лысов перешел сразу к делу.

– Если бы не приказ вышестоящего начальства, хрена с два я отдал бы дело в архив, – с ходу заявил он. – Не скажу, что на сто процентов уверен в том, что тот злополучный рычаг, который скинул двадцать тонн металла на Волкова, сработал не без помощи извне, но обратить внимание в этом деле есть на что.

– Даже так? – искренне удивился Лев. Обычно о таких вещах сотрудники полиции не распространяются даже в кругу близких людей, а тут вдруг такая откровенность.

– Скажу больше, я даже собирался подать рапорт через голову своего начальника прямиком Быстрякову, да ребята отговорили. Зачем, говорят, на рожон лезть? Были бы у тебя факты железные, наш Удод и сам был бы не прочь отличиться. Что, если твои умозаключения туфтой окажутся? Весь отдел Удод месяц дрючить будет. Вот и пожалел я их. Да напрасно, как оказалось.

– Почему напрасно?

– Ну, вы же здесь, – пожал плечами Лысов.

– Резонно, – вступил в разговор Крячко. – Наш приезд увеличивает вероятность правильности ваших умозаключений.

– Вот загнул, полковник, – весело улыбнулся капитан. – Лично я сказал бы куда проще: скорее всего, ты прав, Иван Степанович. Смерть Волкова – не иначе как убийство. Вот как сказал бы я.

– Ладно, капитан, к словам-то не придирайся, – ответил ему такой же веселой улыбкой Крячко. – Нас ведь не для интуристов витиевато изъясняться учили. Любишь попроще – так и скажи.

– Чем проще, тем эффективнее, – заметил Лысов.

– Вы сказали, что в деле Волкова есть на что обратить внимание. Хотелось бы услышать более конкретную информацию, – остановил эту шутовскую перепапку Гуров.

Лысов перевел взгляд на него и без предисловий начал выкладывать факты. Оказалось, что накануне смерти у Волкова появились проблемы в бизнесе. Об этом на одной из бесед обмолвился помощник Волкова, Иван Монин. Ничего конкретного тот не сказал, вернее, не захотел сказать. Беседа та была самой первой, Монин на тот момент находился в состоянии шока от свалившейся на голову новости, вот и выпалил то, о чем думал. Но уже на следующей беседе от своих слов отказался. Не было проблем, и все тут. Лысов решил, что Монин боится. Кого он мог бояться? Скорее всего, того, кто разобрался с Волковым.

Фраза Монина, помноженная на его страх, дала Лысову пищу для размышлений. Осмотр места происшествия проводился в спешке, поэтому капитан решил вернуться и проверить все повторно. Но когда он вернулся, склад, где завалило Волкова, кто-то успел тщательно убрать. Можно сказать, с хлоркой каждую железяку отмыли. Даже на бетонном полу ни одной пылинки не осталось. Кому из работяг это могло понадобиться, если хозяин лежит в гробу?

Лысов снова сунулся к Монину, узнать, не его ли распоряжение выполнили уборщики? Но Монин от ответа уклонился. Мол, инициатива сотрудников. Может, хотели таким образом знак уважения к покойному проявить. Кровищи-то на бетон столько налило, что страшно смотреть. Крови, по мнению Лысова, и правда было с избытком. Патологоанатомы объяснили это тем, что металл, которым накрыло Волкова, представлял из себя прокат листового железа. Подвес особый сорвался, вертикально сформированный. Такие тюки для погрузки готовят, но, по правилам техники безопасности, их вроде как заранее не формируют, а только непосредственно перед отгрузкой. А тут на ночь оставили. Правда, всего один тюк, который и спланировал на Волкова. Подозрительно? Еще как.

Листы железа острыми краями перерубили тело Волкова практически на стейки, как выразился Лысов. Месиво страшное, и лужа крови о-го-го какая! Кроме этого тюка с метал-

лическими листами весом в двадцать тонн в «подвесе», если выразаться профессиональным сленгом, на складе в подвешенном состоянии больше ничего не обнаружили. Уложенные в аккуратные стопки – были. Наваленные бесформенными кучами – присутствовали. Но чтобы в «подвесе» – ничего. Спрашивается: какого хрена Волков под этот «подвес» полез? Места ведь хоть отбавляй, так чего ради ему приспичило стоять под опасным грузом?

И еще один нюанс привлекал внимание. Лысов оказался мужиком дотошным. Он не поленился, изучил систему сброса-спуска «подвеса» и получил интересный факт. Для того чтобы металл «пошел россыпью», одного нажатия рычага недостаточно. Помимо этого, нужно нажать кнопку на пульте, которая раскрывает стальную сеть. Допустить, что рычаг сорвался, Лысов еще мог, но чтобы одновременно с этим запала кнопка? Это уже из области фантастики, а к этому жанру Лысов с детства уважения не проявлял.

Все это он выложил Гурову и Крячко. Те выслушали не перебивая, а затем крепко задумались. Получалась действительно какая-то чертовщина. Нужды тащиться на склад среди ночи у Волкова не было – это раз. Ни о каких срочных поставках или внеплановых работах, по словам Монины, накануне речи не шло. Но даже если бы такие работы появились, стал бы Волков в одиночку этим заниматься? Нет. Он бы отдал распоряжение, и все сделали бы без его участия. И все же на склад он пришел. Один.

И именно в этот момент вдруг волшебным образом отказала техника, работавшая до того момента без сбоев. Возможно такое? По закону подлости, предположить подобный финт судьбы нетрудно, если бы не одно «но». Если бы не последующая смерть Паршина и заявление его новоиспеченного сына. Проанализировав факты, Гуров решил, что для конкретных выводов их недостаточно. А у кого он мог выяснить подробности? Конечно, у помощника Волкова, Ивана Монины. Вооружившись адресом, полковники попрощались с Лысовым и поехали в другой конец города навестить Монины.

Приезду оперов из Москвы тот не обрадовался. Визит представителей закона воспринял как неизбежность, но и только. Первые двадцать минут разговор никак не клеился. Во двор частного дома он их пустил и даже на скамеечку, пристроенную к фасаду, присесть позволил, но на вопросы отвечал односложно и неохотно. Гуров ходил вокруг него и так, и эдак, а Монины угрюмо смотрел в землю, курил одну сигарету за другой и всем своим видом показывал, что ждет не дождется, когда же незваные гости уберутся восвояси.

В конце концов, Крячко надоело бессмысленное кружение, и он перешел к более решительным действиям.

– Не пойму я тебя, Иван, – переходя на «ты», проговорил он. – Твой друг и напарник убит, а ты вроде как этим доволен. Моя хата с краю? Или боишься, что молодчики, разобравшиеся с Волковым, доберутся и до тебя? Так они и доберутся, если и дальше молчать будешь. Выждут время, чтобы внимания не привлекать, и кокнут где-нибудь в подворотне. В вашем городе таких мест хоть пруд пруди.

Монин прикурил очередную сигарету, затянулся, выпустил дым из ноздрей и решил все-таки ответить на выпад Крячко.

– Вы вот такие все из себя правильные и смелые, сразу видно, собой гордитесь, – неспешно начал он. – Из столицы приехали, все вам нипочем. А где вы столько времени прохлаждались, могу я спросить? Чего же раньше не кинулись правду выяснять? Чуть не год выжидали.

– На это были основания, – начал Крячко, но Монин только рукой махнул.

– Знаю я ваши основания, – с горечью произнес он. – Какое вам дело до провинциальных «жмуриков»? Вам сенсацию подавай, чтобы новые дырочки для звезд в погонах просверлить позволили. А за Волкова какие звездочки? Видать, кого-то из более престижных объектов задело, вот вы и засуетились.

– Тут вы не правы, Иван, – вступил в разговор Гуров. – О смерти Волкова мы узнали совершенно случайно, в ходе расследования другого дела. А что на местах перегибы бывают, так это в любой профессии встречается. Скажете, в вашем бизнесе не так?

– А что мой бизнес? Здесь купил, там продал. Вот и весь бизнес.

– Не думаю, что все так просто, иначе Волков сейчас сидел бы с нами, – заметил Лев. – Не стоит записывать нас в разряд врагов, Иван. Ситуация такова, какова она есть, и тут уж ничего не поделаешь. Хочу сказать, что в Череповец нас привело известие о смерти Волкова, и только его смерть. Сидя в Москве, мы никак не могли узнать о том, что смерть Волкова не просто несчастный случай. Вы ведь об этом не сообщили, верно?

– Теперь еще я и виноватый? – скривился Монин. Слова Гурова ему не понравились.

– Если уж на то пошло, то да. Хотите, расскажу вам, почему мы на самом деле здесь?

Монин не ответил, но Гуров ответа и не ждал.

– Потому что в Москве произошло еще одно убийство, – выдал он. – Мы предполагаем, что смерть Волкова как-то связана с убийством, которое мы расследуем, но не в том суть. Я хочу рассказать вам, почему мы вообще взялись за расследование. Потому что нашелся человек, который не побоялся рискнуть и явиться на Петровку отстаивать интересы погибшего. Вот почему мы здесь, и вот почему мы не приехали раньше.

– Намекаете на то, что я не настоял? – бросил на него угрюмый взгляд Монин.

– А разве вы настаивали? Вы не настаивали. Более того, вы скрыли некоторые факты, которые могли бы помочь местным правоохранителям провести расследование более тщательно.

– Это кто же вам сказал?

– Капитан Лысов. Жаль, что вы ему не доверились. Думаю, он бы это дело из рук не выпустил, будь у него карты мастью чуть получше.

– На совесть решили надавить? – усмехнулся Монин.

– А почему нет? У кого совесть чиста, тому давление нипочем, – вклинился Крячко. – Хоть обдавься, а результат один.

– Да что я мог сделать? – вдруг вспыхнул Монин. – У меня из всех доказательств – телефонный разговор, остальное – сплошная интуиция. И куда бы ваш Лысов меня послал с этой самой интуицией?

– Я парнишку, который явился на Петровку, тоже послал, – заметил Лев. – Дважды. А он все равно не ушел. С той же самой интуицией и телефонным разговором. Вот вроде бы вы с ним по фактам равны, а стержень-то у него покрепче будет. Странно.

– Что тут странного? Люди разные.

– То и странно, что вы уже полжизни прожили, а он только-только в игру вступает.

– Потому и усердствует. Наивно полагает, что сможет систему под себя подмять, – заявил Монин. – Нет уж, увольте! Я в такие игры лет десять как не играю.

– И тем не менее только благодаря тому, что он в эти игры играет, мы сейчас сидим здесь, – ответил Гуров.

– Похоже, пришло время говорить правду, Иван, – подытожил Крячко. – Давай выкладывай все, что знаешь про смерть Волкова.

Монин еще с минуту думал, потом махнул рукой и приступил к рассказу. Проблемы у Волкова с бизнесом и правда были. И не только у него, как выяснилось позже. Все шло ровно практически до самой смерти Волкова. Он занимал крепкую нишу в бизнесе, имел обширную клиентуру в области и был доволен жизнью. На городские прихваты лапу не накладывал, сбывчиков металла у конкурентов не переманивал. Одним словом, довольствовался тем, что имел.

Но за пару недель до его смерти ситуация изменилась. Монин интуитивно это почувствовал, так как своими проблемами Волков делиться с ним не посчитал нужным. А что проблемы

появились, ему, Мониному, и говорить не было нужды. С Волковым он сотрудничал не первый год и все его так называемые настроения знал назубок.

Обычно приветливый, словоохотливый Волков вдруг стал угрюмым, вспыльчивым и вообще каким-то дерганым. Видимых причин для смены настроения Монин не знал. Заказы шли ровно, в соответствии с сезоном. Жены, которая могла бы создать проблемы, у Волкова не было. Детей, соответственно, тоже. С подружкой, насколько знал Монин, у Волкова голяк образовался месяцев шесть назад. Как он с Фаиной расстался, так один и кантовался в своей нехилой квартирке.

Фаечка, как за глаза звал ее Монин, Волкова бросать не собиралась. Возможно, она даже искренне любила его. Насколько ей позволяла любовь к самой себе, надо полагать, но все же любила. Она и ухаживать за ним не отказывалась. И завтраки готовила, и одежду стирала, и вообще любую его идею готова была поддержать. Монин полагал, что жил бы Волков со своей Фаечкой долго и почти счастливо, если бы не ее неистребимое желание иметь штамп в паспорте, в котором тот ей неизменно отказывал. Фаечка нашла того, кто во Дворец бракосочетания не побоялся пойти, и Волкова все же бросила.

Истинная причина непривычной нервозности Волкова вскрылась за неделю до его смерти. Нет, вскрылась – неподходящее слово. Скорее обозначилась. По крайней мере, для Монина. В тот день Волков сидел в своем кабинете в цеху по переработке металла. Монин пришел к нему с текущими вопросами и застал за телефонным разговором. Он сразу понял, что в его присутствии продолжать разговор Волков не хочет, но к тому моменту накал его любопытства дошел до такой стадии, когда не особо смотришь на желания окружающих.

Волков взглядом дал понять, что желает остаться один, а Монин сделал вид, что намека не понял. Уселся на стул чуть в стороне, вроде как из вежливости, чтобы впечатление, что он подслушивает, не создавалось. Волков недовольно поморщился, но выгнать Монина из кабинета почему-то не решился. Так Монин узнал, что проблемы у него все же есть.

Из отрывочных фраз он понял, что речь идет о новых поставках металла. Обсуждали рыночные цены на тонну черного металла. Вернее, спорили о ее актуальности. Волков выглядел недовольным, да и оппоненту телефонному открыто заявил, что идея ему не нравится. Даже слово «мошенничество» употребил. Гуров попросил попытаться воспроизвести фразу дословно, но Монин не смог. Вроде что-то типа: план этот – не что иное, как мошенничество. Или нечто подобное.

Сначала Волков пытался отстаивать свою позицию, но оппонент его не слушал. Волков начал злиться, а фразы его звучали так, будто тему эту он обсуждает не в первый раз, причем с этим же собеседником. Спустя пять минут он заявил, что по телефону эту тему не перетереть, и звонивший назначил встречу. Волков дал отбой, велел Мониному разбираться с текучкой самостоятельно и выскочил из кабинета.

Вернулся спустя два часа. Злой как черт. Монин его в коридоре перехватил, так как вопрос, по которому он приходил, без одобрения Волкова решить не смог. На этот раз тот его выслушал, но был чересчур рассеян, чтобы дать дельный совет. Свое отсутствие прокомментировал так: конкурентам совсем «башню» снесло, возомнили себя крутыми воротилами от бизнеса, а на самом деле все их планы из разряда Остапа Бендера.

Кого имел в виду Волков, Монин мог только догадываться. Своими догадками поделился и с полковниками. Конкурентов у Волкова было человек восемь-десять, но Монин выделил только четверых. Почему именно четверых? Да потому, что в записной книжке Волкова на день смерти с тремя из них были назначены встречи. Четвертый же просто никогда доверия у Монина не вызывал. Скользкий тип, непредсказуемый.

– Сами видите, пользы от моих догадок немного, – подвел он черту. – Потому и не сунулся к вашему Лысову. А с чем соваться? Волков на конкурентов по телефону орал, что они, мол, зарвались? Сходил на встречу неизвестно с кем, а после места себе неделю не находил? Встречи

назначил тем, с кем скандалил накануне? Да ерунда это все. Нечего мне было Лысову предъявить.

– Но ведь сам-то ты считаешь, что смерть Волкова не несчастный случай? – спросил Крячко.

– Думаю, да, – после долгой паузы признался Монин. – Грохнули его конкуренты. Убей, не пойму, за что, но грохнули. Видимо, серьезным людям он дорогу перешел. Волков ведь по сути идеалист, хоть и бизнесмен. Вранья не терпел, жульничества на дух не переносил. Может, замутили что конкуренты и его в эту бадягу втянуть пытались. Другого предположения у меня нет.

– Давай-ка для начала перепишем твоих конкурентов, – предложил Стас. – А там видно будет, есть ли польза от твоих знаний или нет.

Монин начал диктовать. На третьем имени Крячко замер с ручкой в руках, а Гуров аж с места приподнялся.

– Кого-кого вы назвали? – едва сдерживаясь, спросил он.

– Сергей Якимушкин, – повторил Монин. – Это один из партнеров фирмы «СтальСплавСбыт». Спорные вопросы всегда он решал. Вторым, Паршин Олег, тот по бухгалтерии и по бизнес-планам работал, а все, что касалось внешних сношений, за это у них Якимушкин отвечал. А чего это вы так переполошились?

– Имя человека, смерть которого мы сейчас расследуем, Олег Паршин, – с нажимом произнес Гуров.

– Паршин? Умер? – Монин побледнел. – Так вот оно что! Ну дела!

Минут пять он качал головой, повторял фразочки типа: «кто бы мог подумать», «вот это поворот» и им подобные. А потом заявил, что, если потребуется давать показания в суде, он от своих слов откажется. Ничего не слышал, никаких конфликтов у Волкова с конкурентами не было, и вообще он не при делах. И никакие увещания Крячко на него уже не действовали. Имя последнего конкурента и то пришлось у него чуть ли не силой выбивать. Фамилию назвал, адрес конторы, а потом заявил, что гостям пора и честь знать.

От Монины Гуров вышел в задумчивом состоянии. С одной стороны, помощник Волкова убежден, что смерть его партнера на несчастный случай не тянет, с другой же стороны, от слов своих в любой момент отказаться может. Ситуация не намного лучше, чем с Иноземцевым. У того – одни предположения, у этого – глухой отказ. На что опереться? Не на что.

Свои сомнения Гуров высказал Крячко. Тот вынужден был с ним согласиться. Труп есть, а состава преступления как не было, так и нет. И куда двигаться дальше, непонятно. Ну, обрабатывают они список, составленный у Монины. Получают те же неопределенные намеки и предположения. И это в лучшем случае. Монин высказал мысль, что Волкова конкуренты грохнули. Если это так, то глупо надеяться, что сами они об этом столичным операм расскажут. Прижать бы их, да нечем. На руках у оперов только подтвержденная связь Паршина и Волкова, но это они и раньше знали. То, что с Волковым накануне смерти встречался не Паршин, а Якимушкин, ничем им не поможет. Адрес Якимушкина у них есть, а вот самого его где искать, все еще неизвестно.

– Ладно, Лева, прорвемся. На понт возьмем, может, кто и проговорится.

– Товарищи полковники, куда едем дальше?

Вопрос прозвучал откуда-то из-за спины. Гуров и Крячко одновременно оглянулись. Метрах в пяти от машины стоял лейтенант Обыденнов, про которого опера благополучно забыли. А тот, изнывая от вынужденного безделья, решил прогуляться до местного магазина. В правой руке он держал фирменный пакет, из которого торчал французский багет и горлышко от бутылки с лимонадом. Пакет казался тяжелым и объемным, видимо, одним хлебом Обыденнов не удовольствовался.

– Здорово, лейтенант! А мы про тебя совсем забыли, – честно признался Крячко. – Вот был бы номер, если бы мы без тебя уехали.

– Это вряд ли, товарищ полковник. Я за машиной следил, – заявил Обыденнов. – Так куда едем дальше? А может, хотите перекусить? Я тут харчем разжился.

– Проголодался?

– Есть немного.

– Ладно, прыгай на заднее сиденье, там похарчуешься. Рассиживаться нам некогда. Четыре места нужно посетить.

Обыденнов уселся на заднее сиденье, Крячко пристроился рядом. Гуров сел за руль, назвал три адреса, чтобы Обыденнов мог грамотно выбрать маршрут. Лейтенант сориентировался быстро. Первым в списке оказался некий Дмитрий Шилов, так как его контора располагалась всего в трех кварталах от дома Монины. Лев завел двигатель, свернул на центральную дорогу, и через десять минут они были на месте.

Глава 5

Разговор с Шиловым вышел совсем коротким. Напарники застали его в дверях конторы, тот как раз собирался на встречу, поэтому цель визита пришлось объявлять прямо у порога. Услышав, что опера интересуются покойным Волковым, Шилов удивился. С чего вдруг к делу годичной давности полиция вновь интерес проявила? И сразу заявил, что ничем помочь не сможет. Волкова знал постольку-поскольку, дружбы с ним не водил и в его дела посвящен не был.

Гуров напомнил, что в день смерти Волкова у Шилова была назначена с ним встреча. Отрицать этого Шилов не стал. Да, встреча состоялась. В кафе «У Карима». Заняла минут пятнадцать, ровно столько, сколько потребовалось на то, чтобы расправиться с парой чебурек. О чем шла речь? О бизнесе. Волков предлагал купить его бизнес, но Шилов отказался. Что значит купить бизнес? Перекупить базу сбыта, то есть всех поставщиков лома черного металла, которые работали исключительно с Волковым, забрать себе.

Почему отказался? Цену Волков заломил негуманную. Думал, на дурняка прокатит, но Шилов в этом бизнесе не первый день, цены знает. Да и зачем тратить? Раз Волков бизнес продает, значит, нет денег платить поставщикам. А раз так, то они и сами от него уйдут. Шилов ставки чуть ниже сделает, вот вам и новая клиентура. Причем без каких бы то ни было вложений. А что к другим уйдут? В этом Шилов сомневался. Кроме него, у Волкова еще два серьезных конкурента на тот момент были, и оба жадные, как Скрудж МакДак. Уж у них Шилов точно цену перебьет.

На вопрос, где Шилов находился в ночь смерти Волкова, тот усмехнулся, но комментировать не стал. Сказал, что с семьей за город выезжали. У друзей вечеринка в дачном поселке проходила. От поселка до города километров пятьдесят, вечеринка закрытая, а дачный поселок под охраной. На въезде все машины регистрируются, да еще и камера стоит, так что какие бы мысли ни посетили оперов, Шилова они в них никак вписать не смогут.

Название поселка, адрес и фамилию друзей Гуров записал, а вот Шилова пришлось отпустить с миром. Крячко даже обсуждать встречу не стал. «Пустьшка», она и есть «пустышка».

На второго конкурента времени ушло чуть больше, но пользы от встречи полковники снова не получили. В отличие от Шилова, Михаил Семибратов расшаркивался перед представителями органов как хороший лакей перед баринком. И в кабинет под руку провел, и чай-кофе навязал, и секретарше указание дал, что в ближайшее время его ни для кого нет, кто бы ни спрашивал. Одним словом, всячески старался показать, что готов к сотрудничеству.

О Волкове сокрушался минут пять. Такой человек был, такой человек! Жаль, ушел слишком рано. Сколько добрых дел мог бы успеть сделать. Крячко не выдержал первым: панегирик Волкову его утомил буквально в первую же секунду, но для приличия он все же дал Семибратову время высказаться. Однако похвалы затянулись, и Стас решил, что пора вмешаться.

– Все это чудесно, Михаил, но нас интересует ваша встреча с покойным накануне его смерти, – жестом останавливая поток слов, проговорил он.

– Встреча накануне смерти? – Семибратов аж в лице изменился. – Помилуйте, кто вам сказал такую чушь? Я и Волков? Нет, мы и не думали встречаться. Скорее всего, кто-то что-то напутал, и к вам попала неверная информация.

– А что это вы так разволновались, любезный? – вкрадчиво спросил Крячко. – Раз не встречались, так и волноваться не о чем, верно?

– Что я так разволновался? Да как же не волноваться? – засуетился Семибратов. – Человек умер при странных обстоятельствах, полиция интересуется последними днями его жизни, и тут вдруг всплывает, что некто встречался с покойным прямо накануне его смерти. Так и до обвинений недалеко.

– И в чем же мы хотим вас обвинить?

– В чем хотите обвинить? Да в чем угодно! В том, что скрыл от следствия факт встречи. В том, что раньше полиции узнал о смерти конкурента, а сообщить не захотел. В том, что имею какое-то отношение к его смерти, наконец!

– А вы имеете какое-то отношение к его смерти? – Этот вопрос задал уже Гуров.

– Имею ли я отношение к его смерти? – У Семибратова оказалась дурная привычка, прежде чем ответить, повторять вопрос собеседника. Привычка эта утомляла. – Помилуйте, господа, я же вам говорю: никакого отношения к делам Волкова я не имею. Да, мы общались время от времени. А как не общаться, если один и тот же бизнес в одном и том же городе ведем? Без личного общения не обойтись. У меня помощников нет, все сам везу, поэтому и встречи с конкурентами на мне. Это Волкову хорошо, у него помощник имеется, а у меня все в одних руках.

– Так что же вы себе помощника не заведете, раз без него так плохо?

– Почему помощника не заведу? Дорого это, – нехотя признался Семибратов. – Помощнику заработную плату платить нужно или в компаньоны брать, а у меня бизнес не настолько прибыльный, чтобы еще с кем-то делиться.

– И все же с Волковым вы в день смерти встречались, – повторил Крячко. – И это не сплетня досужих кумушек, как вы предположили, а подтвержденный факт. Нам и причина встречи известна.

– Известна причина встречи? Не понимаю, о чем это вы?

– Не понимаете? А вот мне сдается, что вы меня прекрасно поняли.

– О боже, вы про кафе? – Семибратов с шумом выдохнул, изображая облегчение. – А я-то подумал, что вы про ночь говорите. Да, в обед мы с Волковым встречались. Кафе «У Карима». Там еще такие пироги подают, пальчики оближешь. Волков, правда, есть не стал, да и встреча длилась не больше десяти минут, мне даже пришлось просить, чтобы остатки пирога с собой упаковали.

– Цель встречи? – оборвал Семибратова Крячко.

– Цель встречи? Простая цель. Волков бизнес решил продать, искал покупателя на базу сбыта.

– И вы, конечно, отказались. – Слова Гурова прозвучали как утверждение.

– Отказался? А как вы догадались?

– Гуров у нас ясновидящий, – съязвил Крячко. – И почему же вы отказались от предложения Волкова? Цену заломил?

– О, вам и это известно? – От удивления Семибратов даже вопрос повторить забыл. – Да, так все и было. Слишком круто Волков завернул. Я понимаю, когда бизнес ко всем чертям летит, хочется побольше навариться, но ведь и мы не дураки. Предлагал бы лохам с улицы, было бы понятно, а тем, кто в этом бизнесе не один год крутится, цену ломить? Это верх наглости.

– Помимо вас, на кого еще Волков с этим предложением выходил?

– На кого выходил с предложением? – На этот раз вопрос Семибратов задал для того, чтобы потянуть время. – На кого выходил?

– Да, Михаил, на кого выходил Волков с тем же предложением? – Крячко раздражался все сильнее. – Отвечайте быстро и не вздумайте повторять вопрос снова.

– Да я и не собирался его повторять, просто не знаю, что ответить.

– Все вы знаете. Полминуты назад сами сказали.

– Я сказал?

– Да, вы сказали, – рявкнул Стас. – Сказали, что вы не дураки, не с улицы и все такое. Припоминаете?

– Я так сказал? Наверное, просто к слову пришлось, – начал Семибратов, но Стас так на него посмотрел, что тот мигом передумал юлить. – Да, признаю, было дело. Волков сам мне об этом сказал.

– О чем именно?

– О том, что если я не куплю, так к Руслику с предложением пойдет, и уж тот своего не упустит.

– Руслик – это Руслан Мухамбетов? – перехватил инициативу Гуров.

– Да, он. Тоже ломом занимается. Молодой, да ранний. – В голосе Семибратова прозвучало пренебрежение. – Такие весь бизнес и ломают.

– Что, играет не по правилам?

– Бывает, – подтвердил Семибратов. – И клиентов переманивает, и цены на лом опускает ниже плинтуса. И вообще нечистоплотно работает, если вы понимаете, о чем я.

Дальше разговор пошел более конструктивный. Про Мухамбетова Семибратов рассказывал с видимым удовольствием, правда, все больше грязью его поливал. А вот про Шилова отзывался позитивно. Хороший человек и бизнесмен толковый. Предлагал ли ему Волков купить базу? Наверняка, да только Шилов покупать не станет, лучше подождет, пока от конкурента клиенты побегут, и начнет их по одному вылавливать и к себе вербовать. Такая у него тактика.

Семибратов окончательно расслабился, информацию начал выдавать с пикантными деталями, и только когда Гуров упомянул фамилию Якимушкина, в глазах бизнесмена что-то помехилось. Он, конечно, постарался вида не показать, но тема ему явно не понравилась. С Якимушкиным они дружбы не водили, заявил Семибратов, но по работе пересекались. Пойти с предложением к нему Волков мог, и Якимушкин, пожалуй, мог бы принять предложение, но ничего конкретного про это Семибратов не знает. Может, встречались, может, нет. Может, купил, а может, и не захотел.

Гуров попытал счастья, задал вопрос, где можно найти Якимушкина, но Семибратов только плечами пожал. Домашнего адреса, мол, не знаю, а бизнес свой он профукал, как только основной держатель акций вместе со своей долей ушел. Говорил он о Паршине, называл его «новоиспеченным земляком» полковников, и Гурову ничего не оставалось, как сообщить о его смерти. Он ожидал бурной реакции, чего-то подобного той, с какой Семибратов восхвалял достоинства Волкова. Но ничего такого не произошло.

Семибратов выслушал новость, пару секунд молчал, а затем вновь заговорил о Мухамбетове. Какой он никчемный бизнесмен, как норовит клиентов обсчитать. То весы накрутит, то сам металл отбракует. А работяги его, между прочим, по всему городу собирают. Про Паршина ни слова, будто тема эта запретной объявлена. Крячко хмурился. Он не понимал, почему Гуров молча слушает эту бадягу. А тот вдруг поднялся с удобного дивана, начал прощаться, даже руку Семибратову на прощание пожал, благодаря за содействие. Крячко поведение напарника удивило, но выяснять отношения при Семибратове он не стал. Семибратов же, сославшись на неотложные дела, извинился, что провожать не идет, и остался в кабинете.

– Я не понял, какого хрена? – оказавшись в коридоре, спросил Стас. – Куда это ты так заторопился? Нужно было его дожать, он бы нам и Якимушкина сдал. Я уверен, что он знает, где его искать.

– Не суетись, Стас, – шепотом произнес Гуров. – Думаю, мы достаточно его расшевелили. Нам осталось только правильно карты разыграть.

– Собираешься за ним следить?

– Не думаю, что он станет сейчас какие-то телодвижения совершать. Наоборот, затихнет, а вот по телефону непременно позвонит. Хотя бы один звонок, но сделает, и сделает немедленно.

С этими словами Лев развернулся и, крадучись, вернулся к кабинету Семибратова. Дверь он предусмотрительно до конца не закрыл, так что при желании услышать, что происходит в

кабинете, было возможно. Оттуда доносился приглушенный голос Семибратова. Как и предположил Гуров, он разговаривал по телефону.

– Говорю тебе, из Москвы прикатили. Нет, не путаю. Сам удостоверение в руках держал.

На какое-то время голос стих, по всей видимости, теперь говорил человек на другом конце провода. Семибратов молча слушал. Затем снова вступил в разговор:

– Думаешь, будет продолжение? Черт, я уже надеялся, что вся эта история ушла в прошлое, и на тебе. Нет, не лоханулся. Да говорю же, ничего такого, о чем можно было бы пожалеть впоследствии. Новости у них плохие. Для нас плохие, полагаю. Паршин мертв. Да, да, ты не ослышался. И что теперь?

Снова тишина, сопение Семибратова и отдаленный гул из окна. На этот раз слушать Семибратову пришлось долго. Видимо, тот, второй, давал ему подробную инструкцию, что делать дальше и как себя вести, потому что после продолжительного молчания Семибратов произнес всего одну фразу:

– Понял, так и сделаю, – после чего повесил трубку.

Гуров поспешно отскочил от двери. Удалившись на расстояние метров в десять, он развернулся и решительно зашагал по коридору в сторону кабинета Семибратова. Крячко долю секунды стоял на месте, затем поплелся за напарником. Дверь в кабинет распахнулась в тот момент, когда Гурову оставалось преодолеть всего каких-то три-четыре метра. На пороге показался Семибратов. Увидев полковника, он отшатнулся назад, покраснел и машинально спросил:

– Разве вы не ушли?

– Простите, Михаил, пришлось вернуться. Я у вас мундштук оставил.

– Мундштук? – удивился Семибратов. Он не мог вспомнить, пользовался ли тот мундштуком во время встречи.

– Не удивляйтесь, пожалуйста. Просто это подарок матери. – Лев отстранил хозяина кабинета в сторону, прошел внутрь и буквально через полминуты вернулся обратно, сжимая в руке длинный инкрустированный мундштук. Как доказательство своих слов, он сунул его под нос Семибратову и коротко кивнул в знак прощания. Тот машинально кивнул в ответ.

– Кстати, не припомните, где вы находились в ночь смерти Волкова? – вдруг резко развернувшись к нему, спросил Лев.

– Что? Вы смеетесь?! – У Семибратова аж челюсть отвисла. – А говорили, что ни в чем меня не подозреваете!

– Я и не подозреваю. Просто люблю во всем ясность.

– У приятеля в бильярдной. Адрес: улица Высокая, дом сорок. Бильярдная «Русский кайф». Имя приятеля назвать?

– Не стоит. Я так понимаю, он владелец бильярдной? – Получив в ответ утвердительный кивок, Лев широко улыбнулся. – Вот видите, как все просто. И еще один нюанс: из города давно выезжали?

– Года два назад. А это-то тут при чем?

– Два года – это срок.

Фраза прозвучала как каламбур, но на Семибратова она произвела обратный эффект. Вместо того чтобы улыбнуться, он весь напрягся и нервно спросил:

– Это вы обо мне? О моем сроке?

– Не берите в голову. Раз из города не выезжали, то и говорить не о чем, – легко произнес Гуров, быстрым шагом пересек коридор и скрылся в дверях. Крячко спешно следовал за ним по пятам.

Семибратов проводил столичных гостей долгим, подозрительным взглядом и, забыв о том, что и сам собирался уходить, вернулся в кабинет и подошел к окну, выходящему на улицу. Он застал момент, когда оба полковника заняли места в машине. Вскоре машина влилась в

автомобильный поток на проезжей части и скрылась из виду. Семибратов еще какое-то время постоял у окна. Машина Гурова не появлялась. Тогда он вышел из кабинета, второй раз за день предупредил секретаршу, чтобы та отменила все встречи, назначенные на ближайшие три часа, направился к парковке и, сев в машину, поехал в центр города.

Подобострастие, с которым он встречал полковников и которое заставило Гурова сделать неверные выводы, улетучилось без следа. За рулем шикарного внедорожника сидел уже не рохля, а самоуверенный, если не сказать, жесткий мужчина, готовый к решительным действиям.

У городского парка он припарковал машину, прошел через ворота и быстрым шагом проследовал к центральной клумбе парка. Того, с кем он собирался встретиться, еще не было. Семибратов дошел до ларька с прохладительными напитками, купил бутылку минеральной воды без газа и вернулся к клумбе. Усевшись на свободную скамейку, отвинтил крышку и начал пить воду мелкими глотками.

Ждать пришлось недолго, спустя десять минут на центральной аллее показался Дмитрий Шилов. Шел он быстро, по сторонам не смотрел. Увидев Семибратова, приветственно махнул рукой и прибавил шаг. Поравнявшись с ним, руки не протянул, сел рядом и произнес:

– Выкладывай!

– Паршину крышка, – коротко проговорил Семибратов. – Подробностей не знаю, но, если его смертью заинтересовалась Петровка, дело плохо.

– Каким образом это может коснуться нас?

– А ты сам не догадываешься? Они уже здесь. Копают не по-детски, а раз взялись, легко до правды докопаются.

– Не наша забота, – произнес Шилов, но уверенности в голосе не доставало.

– Думаешь? А я вот не уверен. Как бы нам за Паршиным не последовать. Об этом ты не думал? – Семибратов достал из кармана пачку сигарет, прикурил, затянулся и, выдохнув дым, добавил: – Хреново все это, Димон.

– Не нагнетай, Михан, мы к тому делу отношения не имеем. Не наши заботы, – повторил Шилов.

– А я вот думаю, может, пообщаться с этим полковником, с Гуровым? Шепнуть ему пару имен взамен на гарантии? – предложил Семибратов.

– Сдурел?! Им только повод дай, вцепятся в тебя, как стервятники, и будут рвать, пока на части не разорвут! – Шилов аж на месте подскочил. – Не вздумай нас подставлять, Михан! Я тебя знаю, ты всегда себе на уме, но только не в этот раз. Был бы ты один завязан – дело твое, но нас паровозом тащить я тебе не позволю.

– И что же ты сделаешь? – Губы Семибратова скривила неприятная улыбка.

– Сам знаешь что, – неопределенно ответил Шилов. – Ты шепнешь, я шепну, и посмотрим, чей шепот быстрее до цели дойдет.

– Угрожаешь?

– От глупости предостерегаю.

– Не скажем сейчас – погорим все. Хорошо еще, если в лапы к Гурову попадем, а если на мушку к нашему доброму другу? Такой расклад более чем вероятен. Лично мне еще пожить охота. – Семибратов глубоко затянулся, закашлялся и отбросил сигарету в сторону.

– Ничего не будет, – уверенно заявил Шилов. – Мы не при делах.

– Да что ты заладил: «Не при делах, не при делах»! Кого это волнует, кроме тебя? Паршин, что ли, при делах был?

– Ладно, давай поступим так: сначала узнаем, что случилось с Паршиным, а потом будем думать, что со всем этим делать нам, – предложил Шилов.

– Только зря время потеряем, – заявил Семибратов. – А его у нас может и не быть. Как думаешь, Руслик что-то скажет?

– Руслик? Ты смеешься? Вот уж кто себя подставлять не станет, так это Руслик. Паршивый козел! – Шилов сплюнул на землю. – Если бы не он, сейчас работали бы спокойно и не парились.

– Да ладно, он тебя не заставлял. Каждый сам решение принимал.

– А кто подбил? Уже не помнишь? Через него все это случилось. – Прощать и реабилитировать Мухамбетова Шилов не собирался. – Волков молодец, сразу лажу почувал.

– Молодец? И где теперь этот молодец? В яме догнивает твой молодец. – Семибратов грязно выругался и повторил предостережение: – Если вовремя не подсуетимся, скоро и сами там окажемся, помяни мое слово.

– Ладно, чего впустую воздух сотрясать? Давай условимся так: если он с тобой на связь выйдет, сразу сообщай мне. Так же поступлю и я. Только без обычных твоих закидонов, ясно?

– Не гони волну, Димон, сделаю все честь по чести, – пообещал Семибратов. – Мы теперь с тобой как сиамские близнецы, пуповиной связаны. Один сдохнет – второго за собой потянет. Так что нам только вместе держаться. Надеюсь, ты это понимаешь не хуже меня.

– Вот и славно. – Шилов поднялся. – Короче, на созвоне. Бывай, Михан!

– Бывай, Димон.

Шилов ушел первым. Семибратов еще немного посидел на скамейке, допил минералку, зашвырнул бутылку в урну и неспешным шагом покинул парк. Лицо его выражало задумчивость. Слова Гурова о смерти Паршина не шли из головы. «И что я не спросил, отчего он умер? Стреманулся, как пацанчик, испугался, что голос меня выдаст. А ведь и выдал бы, – размышлял он. – Вот ведь гнида! Добрался-таки. Не понравилось ему, что из радиуса доступа Паршин свалил. А ведь он, в отличие от нас, только краем дела касался. И все равно в расход пустили. Что мог знать Паршин? Чем ему угрожал? Да какая разница? Плевать ему на то, кто что знает. Мы вот с Шиловым тоже с боку припека, а под удар попасть как от нечего делать. Черт! Угораздило же так вляпаться».

Заверениям Шилова о том, что тот ничего не боится, предпринимать не собирается и непременно выйдет на связь, если узнает что-то новое, Семибратов не поверил ни на минуту. Будь они с Шиловым друзья неразлейвода, и то сложно было бы поверить, а ведь они даже не притягиваются. Просто оказались в одном месте в неподходящее время, вот и весь контакт. Да и за себя Семибратов гарантии дать не мог. Сложится ситуация, когда шкуру спасать придется, о Шилове он станет беспокоиться в последнюю очередь.

«Да, тандемчик у нас тот еще, – невольно улыбнулся он своим мыслям. – Друг друга подставим за милую душу. Эх, зря я с ним идеей насчет Гурова поделился. Что, если он сам к нему пойдет? Себя обелит, меня очернит, остальных охает, и где тогда окажусь я?» Этот вопрос не давал ему покоя до самого дома. В офис он решил не возвращаться. А зачем? Настроение все равно не рабочее, какой смысл штаны просиживать? Не в этом ли заключается главная прелесть работы на самого себя? Добравшись до дома, Семибратов вынул из холодильника запотевшую бутылку водки, влил в себя грамм сто пятьдесят и завалился спать.

Разбудил его телефонный звонок. Он поднял трубку, не успев сообразить, вечер сейчас или раннее утро. Автоматически схватил трубку и вдавил кнопку приема сигнала. Бросив в трубку вялое «алло», Семибратов приготовился услышать ответ, но получил лишь странное приглушенное сопение. Как только до него дошло, что собеседник отвечать не собирается, но и трубку бросать не спешит, по спине побежали мурашки. «Началось, – пронеслось в голове. – Теперь добра не жди. Точно не жди».

Он положил указательный палец на кнопку сброса сигнала, пару секунд раздумывал, а потом все же надавил на клавишу. Звонок прервался, в комнате наступила тишина. Однако длилось это недолго. Спустя две-три минуты звонок повторился. Снова Семибратов горланил

в трубку несурзное слово «алло», и снова в трубке слышалось лишь чье-то дыхание. Дойдя до крайней точки, Семибратов не выдержал и заговорил сам:

– Послушайте, вы, я ничего никому не сказал и не собираюсь говорить. Наш уговор остается в силе, вы меня слышите?

На другом конце линии продолжали молчать, но Семибратову показалось, что сопение стало несколько иным. Пободрее, что ли? Воодушевленный, он продолжил:

– Давайте заканчивайте свою обработку. Меня обрабатывать незачем, я себе не враг, чтобы кому-то «инфу» сливать. Вы меня не знаете, я вас не знаю, на этом и разойдемся. Такой расклад вас устраивает?

Внезапно из трубки пошли короткие гудки. Незвестный дал отбой. Семибратов отшвырнул мобильник в сторону, откинул одеяло и прошлепал босыми ногами на кухню. Открыл холодильник. Водки в бутылке оставалось еще прилично. Он вылил треть содержимого в стакан, поднес ко рту, но пить не стал. С минуту стоял в нерешительности, а затем выплеснул водку в раковину.

– Нет, дружок, так дело не пойдет, – сказал он сам себе. – Начнешь страх водкой заливать, точно ничем хорошим эта история не закончится. Потом патологоанатом объявит, что ты просто водкой упился. Им и причину придумывать не потребуется.

Вместо водки он налил в тот же стакан апельсиновый сок и выпил, не отрываясь. Пошарил по полке, выудил кусок копченой колбасы, откусил. Пожевав, выплюнул в мусорное ведро. От еды начало подташнивать. Или это от страха? Наверняка от страха.

– Надо что-то делать. – Семибратов не заметил, как заговорил вслух. – Собрать вещи и свалить отсюда, к хренам собачьим? Паршину это не помогло. Тогда что? Сидеть и ждать, пока само рассосется? А если не рассосется? Нет, приятель, само точно не рассосется. Знал ведь, с кем связываешься. Зачем лез? Денег тебе мало показалось? Надо было Волкова поддержать, тогда еще, может, и сработало бы. А все этот ублюдок Руслик! Давайте, парни, предложение стоящее. Времена меняются, пора и вам меняться. Вот и поменялись. Двое уже в деревянные костюмы переоделись. Кто следующий? Уж не Руслик, точно. Жаль, не могу его одного сдать, а так хочется!

Внезапно желудок схватило острым спазмом. Он согнулся пополам, схватился руками за живот. К горлу снова подступила тошнота. «Не хватало еще пол заблевать», – пронеслось в голове. Превозмогая боль, он доплелся до туалета, рухнул на колени перед унитазом, и его вывернуло наизнанку. Рвало долго и отчаянно, до кровавой пены. Когда приступ прошел, Семибратов поднялся, умыл лицо, прополоскал рот. Когда спазм в желудке стал не таким острым, вернулся в спальню, не гася свет, рухнул на постель и уставился в потолок.

«Интересно, Шилову тоже звонили? – подумал он. – И если да, расскажет ли об этом мне? А ты сам-то собираешься ему рассказать о ночном звонке?» Он не собирался. Только не после того, как заявил звонившему, что никому ничего не расскажет. Нет уж, увольте. Пусть Шилов сам со своими проблемами разбирается, а он, Семибратов, будет сидеть тихо-тихо, как мышка, и, может, тогда его оставят в покое.

Уснул он лишь под утро. Когда прозвенел будильник, еле глаза разлепил и сразу понял, что на работу сегодня не пойдет. Отправил секретарше сообщение, и на этом рабочий день закончился. Пусть сами справляются, не за красивые глаза зарплату получают. Минут десять ворочался с боку на бок, сон и не отпустил, но вроде как и накрывать не торопился. Лежа в полудреме, снова подумал о бутылке. Мысль прошла вскользь, особо не напрягая. «Водку пить ты не будешь, – мысленно дал себе установку. – Только сок и чай». На этой мысли и уснул.

Снова проснулся ближе к часу дня. На дисплее мобильного высветился значок «пропущенный вызов». Открыл запись. Звонил Шилов. «Неужели все-таки решил рассказать про ночные звонки?» Это была первая мысль, посетившая голову. И тут же возник вопрос: если Шилов расскажет про звонки, признаваться, что и ему звонили, или утаить? Семибратов скло-

нялся к тому, чтобы промолчать. С другой стороны, они теперь как бы в одной лодке. Вдвоем легче найти выход, не станет же он «мочить» их пачками? С Русликом не скооперируешься, с Якимушкиным тем более. Остается Шилов.

– Собаки бы тебя задрали, Димон! – вслух выругался Семибратов. – Не можешь при себе свое дерьмо держать? Я-то вот молчу, и ты молчи. Тогда мне и решать ничего не придется.

Но проигнорировать двенадцать пропущенных вызовов после вчерашней встречи он не мог. Вздыхнув, снова взял в руки телефон и набрал номер Шилова. Тот ответил после первого же звонка, будто трубку из рук вовсе не выпускал.

– Привет, Михан. – Голос вроде бы звучал бодро. – Чего мобилу не берешь?

– Спал, – коротко ответил Семибратов.

– Это в разгар рабочего дня? Ну ты даешь! Мне вот и в выходной так сладко поспать не удается, – посетовал Шилов. – Поздно лег? Небось девицу домой притащил? Вам, холостякам, в этом отношении проще.

– Нормально лег. – Желания обсуждать интимную жизнь с Шиловым у Семибрата не возникло.

– Нормально – это хорошо. С девушкой получше, но нормально тоже сгодится. – Шилов явно не спешил оставлять личную тему.

– Чего звонил? – Семибратов решил поторопить собеседника.

– Да чего ты такой сердитый? Не выпался?

– Приболел немного, – чтобы избежать дальнейших расспросов, вынужден был соврать Семибратов. – У тебя ко мне дело или просто пообщаться не с кем?

– Ладно, не хочешь просто потрындеть, неволить не стану. – Шилов на выпад не обиделся. – Я насчет нашего вчерашнего разговора. Мысли кое-какие появились.

– Только не по телефону, – предостерег Семибратов.

– Ясное дело. Сможешь подъехать к Кариму? Перетрем тему, заодно и пообедаем.

– Лучше в другое место.

– А чем Карим плох?

– Про него кое-кто знает, – напомнил Семибратов.

– Думаешь, за нами следить будут? Брось, Михан, это уже паранойя.

– У парка, где мы вчера встречались, есть забегаловка. Называется «Мотылек». Через час я буду там. Есть что обсудить – подъезжай.

– Добро, – согласился Шилов. – Значит, в «Мотылке» через час.

Семибратов не ответил, сбросил вызов и откинулся на подушку. Голова болела, желудок ныл, во рту остался неприятный привкус. «Как же ты не вовремя со своими идеями, – подумал он. – Мне до ванны добраться и то проблематично, а теперь еще и за руль садиться». Но ворчи не ворчи, а собираться надо. По телефону он вчерашнюю тему обсуждать точно не станет. Кто знает, какими технологиями пользуется современная полиция? Может, Гуров вчера, пока свой мундштук искал, какой-то хитрый «жучок» ему в кабинет подкинул. И «прослушку» на мобильник заказать сейчас не вопрос. Законов понапринимали таких, что любого прослушать можно. Причем на законных основаниях. Менты ловкачи основания придумывать.

Пока принимал душ, мысли крутились вокруг ночного звонка. Что это было? Простая проверка или предупреждение? И почему именно сейчас? Столько месяцев молчали, а тут вдруг проявились. Связан ли звонок с появлением оперов с Петровки? Семибратов полагал, что связан. Только вот откуда они узнали? Гуров и к ним заявился? Но зачем? Они с Шиловым – дело понятное, один бизнес вели, в записной книжке Волкова их данные прописаны, вот и приперлись. Но что им от тех нужно?

Ответ был, и Семибратов это прекрасно понимал. Думать в этом направлении не хотелось, но остановить мысли никак не удавалось. Что, если Волков успел кому-то рассказать про их план? Кому? Да хоть помощнику своему, Мониному. И почему его не трогают? Странно это.

Паршина в Москве достали, а Мони́на под боком не тронули. Может, он действительно что-то знает. Раньше молчал, а теперь, когда Гуров объявился, взял и все рассказал.

Тогда ночной звонок закономерен. Он знает, что в городе столичные менты. Знает, по чьей душе они приехали. Подстраховаться решил, прощупать, что он, Семибратов, в свете новых событий себе надумал. Если так, то еще полбеды. А если все же Шилов подсуетился? Позвонил, слил информацию про ментов и в дамки вышел. А он, Семибратов, промолчал. Утаил такие важные сведения. Нехорошо.

– Черт бы побрал этого Гурова! И какого лешего ему здесь понадобилось? Не устраивает вердикт? Да кому он нужен, этот Волков? Мелкая сошка, без рода, без племени. Чего за ради него жилы рвать? – снова заговорил вслух Семибратов.

Высказаться хотелось жутко. Так, что аж внутри все чесалось. Поделиться с кем-то паршивыми новостями, снять хоть часть груза с души. Только вот не с кем ему делиться подобными вещами. Ни друга закадычного, ни жены, ни детей. Родители и те давно померли. Один он на белом свете. Вот уж о ком плакать некому будет. Прикопают в безымянной могиле, и все дела.

– Стоп, приятель, хватит тоску нагонять! – остановил он сам себя. – Дурные мысли из головы выбрасывай, собирайся и гони к Шилову. Может, он и не приятель тебе, да только ближе сейчас у тебя никого нет.

Семибратов сунул ключи от квартиры в карман и вышел из дома. Стрелки часов показывали без четверти четыре.

Глава 6

Пока Семибратов терзался неизвестностью, Гуров и Крячко успели проверить его алиби и алиби Шилова на ночь смерти Волкова. Слова и того, и другого подтвердились, и все же Гурова терзали сомнения. Уж больно красивое алиби у обоих. Прямо-таки железобетонное. И под камерами оба нарисовались, где дата и время выставлены, и свидетелей целая куча. И все, как на подбор, благонадежные. Прямо инсценированные алиби. Но против таких фактов не попрешь.

Крячко же финт с алиби не удивил. Ведь не думал же Гуров, что они целой компанией Волкова убирали? Не думал. Так что в этом плане все в порядке. Вопрос в другом: знали ли они, что произойдет с Волковым, и потому запаслись свидетелями или же это всего лишь совпадение? Если знали, значит, являются соучастниками. А раз знали они, то и Паршин мог знать. Не он, так его помощник, Якимушкин.

Отследить передвижения Якимушкина не удалось, хоть на месте возможностей было куда больше, чем действуя дистанционно. Местные власти в этом вопросе тоже оказались бессильны. Исчез человек, и все тут. Последний раз его видели в конторе через месяц после отъезда Паршина, Обыденнову удалось выйти на одного из поставщиков Паршина, он и назвал дату. В этот же день Якимушкин обнулил личные счета, на которые весь месяц переводил деньги с рабочих расчетных счетов. Махинация та еще, но каким-то образом у Якимушкина прокатилась. И этим же числом он подал заявление в арбитражный суд о признании фирмы банкротом.

Суд так и не состоялся ввиду исчезновения заявителя. Спустя тридцать дней с заявлением обратились уже кредиторы, опираясь на право подачи заявления в арбитражный суд по возникновению признаков банкротства. Но и этот суд состоялся без участия должника. На имущество наложили арест, ни продать, ни забрать его банку-кредитодателю не позволили до истечения положенного срока. А срок этот исчисляется не месяцами, а годами. В федеральный розыск Якимушкина подали, но результатов до сих пор не получили. На этом и остановились.

С Русланом Мухамбетовым ситуация обстояла чуть получше. Гуров и Крячко приехали к нему в контору, но там его не застали. Помощник Мухамбетова сообщил, что хозяин отбыл в славный город Сочи поправить здоровье. Чем Мухамбетов болен, помощник ответить не смог. Сказал, что тот уехал накануне вечером и вернется не раньше, чем через неделю. Сочинского адреса предоставить не смог, а номер сотового телефона напарники и без его помощи получили.

На звонки Мухамбетов не отвечал, просто сбрасывал их. Крячко пробовал дозвониться и со своего номера, и с гуровского, и с городского, но все безрезультатно. Пришлось искать связи в сочинской полиции. Шел второй день из трех отпущенных генералом Орловым, и вынужденная задержка с Мухамбетовым сейчас Гурову была совсем некстати.

Посоветовавшись, решили обойтись без привлечения генерала. На их счастье, у Быстрякова в сочинском отделении имелся свой человек, и полковник любезно согласился озадачить его проблемами москвичей. К полудню Мухамбетова обнаружили через вышку сотовой связи. На адрес отправили участкового, тот засвидетельствовал, что гражданин Мухамбетов находится на месте, и на этом вмешательство сочинской полиции закончилось. Оснований для задержания не было, а для приватной беседы требовался особый подход. Не владея всей информацией, сочинские правоохранители соваться к Мухамбетову не стали.

Теперь Гурову и Крячко предстояло решить сложный вопрос: получить официальное разрешение на задержание Мухамбетова и его доставку в Череповец для допроса или же самим отправиться в Сочи и побеседовать с ним на месте? Расстояние в две тысячи километров оптимизма не вызывало. Будь город Сочи хотя бы вполовину ближе, вопрос этот вообще не стоял

бы. Сел в машину и доехал, куда нужно. Но потратить на дорогу больше суток из полутора имеющихся в запасе, да еще не зная, будет ли от поездки толк? Поневоле задумаешься.

И снова выручил Быстряков. Связавшись с начальником аэропорта, обрисовал ситуацию и забронировал два места на ближайший рейс до Сочи, пообещав снабдить «своих сотрудников» соответствующими документами. Так вопрос, как добраться до Сочи, был решен. До рейса оставалось пять часов, до аэропорта хода чуть больше двадцати пяти километров, торопиться особо было некуда, но и тратить время впустую тоже не хотелось. Вечно голодный Крячко заявил, что, не подкрепившись, в аэропорт не поедет, пусть Гуров об этом даже не мечтает. Пришлось Гурову пообещать, что завезет его в кафе по пути к аэропорту. На этом и договорились.

До аэропорта их снова взялся проводить лейтенант Обыденнов. Чтобы не решать вопрос с парковкой, поехали на служебной машине. Обыденнов сам сел за руль. Уверенно маневрируя в автомобильном потоке, он принялся насвистывать себе под нос.

– Лейтенант, ты про обед-то не забудь, – напомнил с заднего сиденья Крячко.

– Забыл! Вот незадача! – Обыденнов сбросил скорость. – Хотел ведь отвезти вас в шикарное место. Есть у нас в городе свои стоящие места. Теперь уже далековато уехали, ну да ничего. Сейчас все исправим.

Он проскочил под желтый свет, крутанул руль, чтобы вписаться в поворот, и машина пошла в противоположном направлении. Гуров с Крячко только за подлокотники схватиться успели.

– Эй, приятель, ты бы полегче на поворотах! – выдохнув воздух, бросил Крячко. – Так мы не до столовой, а до морга скорее доберемся.

– Не волнуйтесь, товарищ полковник, будет вам обед, – как ни в чем не бывало заявил Обыденнов. – Тут возле парка очень даже приличный общепит. Его Салават держит, дельный мужик, и ассортимент у него не в пример другим, на любой вкус блюда подают. Мы с ребятами иной раз заказываем навынос, так они умудряются все горячим доставить, аж жир пузырится.

– На поворотах, говорю, полегче, – повторил Стас. – Иначе меню нам не понадобится.

– Да я аккуратно. – Обыденнов бросил взгляд в зеркало заднего вида, увидел выражение лица Крячко и сбросил скорость. – Слишком быстро? Так вы бы сразу сказали, я ведь по привычке.

– Плохая это привычка, под красный повороты проскакивать, – наставительным тоном проговорил Станислав.

– Нам желтый горел, на красный я бы не погнал, – объяснил лейтенант. – А пропустишь свою очередь, на этом повороте полдня простоишь. Движуха там отменная.

Возле кафе все парковочные места оказались заняты, пришлось Обыденнову парковаться за полквартала от входа. От эскорта полковники отказались, заявив, что с выбором блюд справятся и без лейтенанта. Обыденнов остался в машине, а они отправились в кафе.

Войдя в помещение, Гуров сразу притормозил, причем так неожиданно, что Крячко чуть в спину ему не врезался.

– Ты чего тормозишь? – возмущенно проговорил он.

– Давай сюда, – дернул его Лев за рукав, увлекая в сторону. Оба оказались за колонной, увитой пышным вьюном. – Загляни-ка в зал, только аккуратно. Видишь?

– Ничего себе, заехали отобедать! – присвистнул от удивления Стас. За дальним столом сидели Семибратов и Шилов. На столе перед ними стояла целая куча тарелок. Перед Семибратовым блестел запотевшим боком четвертной графин с водкой. В руке он держал рюмку. Перед Шиловым вместо рюмки стоял стакан с томатным соком. – И что делать будем?

– Пока не знаю, – признался Гуров. – Такого расклада я никак не ожидал.

– Видно, Семибратов не такой уж и хлюпик, каким рисовался. Вон как заливается, точно соловей.

Семибратов и правда говорил без остановки, тихо, но энергично. Выражение лица при этом у него было довольно жесткое. Ничего похожего на вчерашнее подбострастие.

– Как думаешь, наш визит обсуждают? – спросил Крячко.

– К гадалке не ходи, – хмыкнул Лев. – Не хотелось бы, чтобы они нас увидели.

– Значит, все-таки без обеда остаемся. Жаль, пахнет здесь вкусно.

– В аэропорту что-нибудь перехватим. Если, конечно, попадем туда.

– С чего бы нам передумать?

– Все с того же, – кивнул головой Лев в сторону конкурентов Волкова. – Пока не узнаем, что они замышляют, уезжать не стоит.

– Да как ты узнаешь? «Наружку» к ним приставишь?

– Людей нам Быстряков, может, и выделит, только вряд ли она приведет нас к исполнителю. Не думаю, что эти двое сами с Волковым разобрались. Нет, Стас, прятаться от них мы не станем. Пусть понервничают, в таком состоянии люди с нечистой совестью быстрее глупостей наделают, чем если будут думать, что гроза еще где-то далеко.

С этими словами Гуров вышел из-за колонны и прошел напрямик к столику, за которым сидели Семибратов и Шилов. Появление полковника вызвало эффект разорвавшейся гранаты. Оба бизнесмена, как по команде, вскочили со своих мест и дернулись было к выходу, но Гуров преградил дорогу Семибратову, а к Шилову подоспел Крячко.

– Спокойнее, господа, спокойнее, – вполголоса проговорил Стас. – Садимся на места и не дергаемся. Мы ведь не хотим потешить публику сценой первоклассного задержания? Не хотим. А значит, старших придется послушаться.

Шилов послушался первым. Он медленно опустился на стул, положил руки на столешницу, сдвинув тарелки в сторону. Семибратов еще какое-то время лихорадочно искал выход, но, не найдя такового, плюхнулся на сиденье следом за Шиловым. Гуров выдвинул свободный стул и уселся между бизнесменами. Крячко остался стоять.

– Так-то лучше, – прокомментировал он действия бизнесменов. – А то вон что придумали, от полиции бегать. Нехорошо, господа, плохо.

– Торопиться и правда не стоило, – заговорил Гуров. – То, что мы застали вас вместе, это даже хорошо. Легче будет вести разговор. Вы ведь не откажетесь поговорить еще раз?

Ни Семибратов, ни Шилов не ответили, но он не обратил на это внимания и продолжил:

– Вот и хорошо, что не откажетесь. Полагаю, бежать желание пропало? На этот вопрос рекомендую ответить.

Семибратов просто кивнул, Шилов вяло произнес «отпало» и уперся взглядом в скрещенные ладони.

– Тогда тебе, Стас, можно и присесть. Господа заверяют, что догонять их не придется.

Крячко поставил стул так, чтобы перегородить путь к двери, сел и откинулся на спинку, всем своим видом показывая, что ситуация для него вполне привычная. Гуров с минуту молчал, затем задал первый вопрос:

– Думаю, встретились вы сегодня не ради того, чтобы перекусить, наверняка есть другая причина. Я бы хотел узнать, что за причина.

Семибратов заерзал на стуле, переглянулся с Шиловым. Тот продолжал разглядывать свои ладони и говорить явно не собирался. Семибратов досадливо поджал губы, но тоже промолчал.

– Ясно. Говорить не хотим, – сделал вывод Гуров. – Что ж, тем хуже для вас. Сегодня полковник Быстряков выписал ордер на арест. Хотите узнать, чьи фамилии в него вписаны?

Лев блефовал, но блеф был оправданным. Уговорами бизнесменов сознаваться не заставишь, здесь нужны более весомые аргументы. А раз их нет, приходится импровизировать. Слова его реакцию выдали соответствующую: Семибратов занервничал, Шилов насторожился, но ни тот, ни другой рта так и не раскрыли. «Напуганы оба до чертиков, – определил Гуров. –

Интересно, кто их так напугал, а главное, когда успел? Вчера еще картина была совершенно другая. Прошла всего одна ночь, а на Семибратова смотреть больно».

Тот действительно выглядел неважно. Лицо осунулось, под глазами круги, волосы несвежие. «Будто всю ночь не спал. Неужели наш визит лишил его сна? Нет, не может быть, скорее всего, что-то произошло либо поздно вечером, либо ночью».

– Ладно, времени у нас в обрез, – после паузы проговорил Лев. – Собирайтесь, граждане подозреваемые, будем общаться в отделении полиции. Там и комнаты более подходящие, и атмосфера к откровенности располагает.

– Думаю, на них много времени не потребуется. Минут тридцать, и можно ехать по делам, – вклинился Крячко.

– Пожалуй. – Гуров сделал вид, что оценивает ситуацию. – Надолго не задержимся, это точно.

– Послушайте, вам не кажется, что пахивает угрозой? – не выдержал Шилов. – Самое время приглашать адвоката?

– Это как вам будет угодно. – Стас был сама любезность. – В вашем положении даже предусмотрительно. Может, адвокату и удастся скостить для вас срок. Вообще-то адвокаты не особо любят по «мокрухам» работать, но если у вас на примете есть подходящий, можем даже по пути в отдел заскочить и за ним.

– Нет, мне этот вариант совсем не нравится! – воскликнул молчавший до этой минуты Семибратов. – Лично я никуда с вами ехать не собираюсь. Я законопослушный гражданин, и если у вас ко мне есть вопросы – вызывайте повесткой. А на сегодня у меня свои планы.

– Так разве мы против? Стас, повестку достань, – через плечо бросил Лев. – Раз уж граждане не желают приватной беседы, соблюдаем законность.

Крячко полез в карман, Семибратов выдержал всего пару секунд, после чего затараторил так быстро, что не остановить:

– Послушайте, мне ваши повестки не нужны. Хотите знать, почему мы здесь? Потому что здесь появились вы. Наша встреча вполне закономерна. Вы сообщили о смерти Паршина, мы решили это обсудить. Помянуть товарища. Разве это противозаконно?

– Помянуть? Это похвально. А заодно обсудить, чем смерть Паршина грозит лично вам, – произнес Стас. Рука его осталась в нагрудном кармане, будто он и правда собирался достать несуществующие повестки. – Что же вы не в полном составе собрались? Где Якимушкин, где Мухамбетов?

– Вот об этом я и хотел сказать, – оживился Семибратов. – Если уж у вас есть вопросы относительно Волкова или Паршина, так почему не вызвали на допрос Мухамбетова? Уж ему есть чем с вами поделиться.

– Заткнись, Михан! – предостерегающе сдвинул брови Шилов. – Неужели не понимаешь, что они тебя на понт берут? Нет у них никакой повестки, и ордера на арест тоже нет.

– А мне плевать на то, что у них есть, а чего нет! – взвился Семибратов. – Я и часа не собираюсь сидеть в обоссанном «обезьяннике» за этого урода Мухамбетова! И прикрывать его не собираюсь.

– Да заткнешься ты или нет, придурок! – вспылил и Шилов. – И себя, и меня топишь.

Но Семибратов больше слушать Шилова не собирался. Он развернулся лицом к Гурову и заявил:

– Если хотите что-то узнать про Волкова, обращайтесь к Мухамбетову. Это он с ним в ночь смерти встречался. Сам нам признался. И предупредил насчет алиби тоже он. Сказал вскользь, как бы между прочим, что мне не мешает провести ближайшие двадцать четыре часа в большой шумной компании. А когда я спросил его, зачем это нужно, он только осклабил своей мерзкой улыбочкой. Меньше знаешь – крепче спишь, вот что он сказал. И Шилову

то же самое порекомендовал. И не отнекивайся, Димон, тут речь уже о сроке идет. А я соучастником идти не собираюсь.

– Так! С этого места рекомендую говорить только правду, и как можно подробнее. – Гуров придвинулся ближе, чтобы людям за соседними столиками слов Семибратова слышно не было. – И звук уберите, не на сцене.

– Ладно, трепло, выкладывай уже все как было, – сдался Шилов. – А то с твоих слов мы и правда соучастниками выйдем.

Семибратов облегченно выдохнул, роль «стукача» при живом свидетеле его напрягала. Теперь же, когда Шилов дал «добро», можно было и расслабиться. Он потянулся к графину, наполнил рюмку, опрокинул ее в рот и заговорил.

– Короче, у Волкова с Мухамбетовым конфликт вышел. Касался он цен на чермет. Мухамбетов хотел цены поднять на время, прикормить, так сказать, а потом сбросить, когда у тех перебор по металлу пойдет. Чтобы клиенты более сговорчивыми стали. А Волков заявил, что своих поставщиков «лошить» не станет. Есть цена – по ней и будет принимать лом. А Мухамбетов пусть поступает так, как пожелает. Ну, Мухамбетов и обозлился. Заявил, что Волков о своем решении сильно пожалеет, и очень скоро. А нам с Шиловым сказал, что, если не хотим неприятностей, должны позаботиться об алиби. Про то, что и мне, и Шилову одно и то же предложение было сделано, мы уже после смерти Волкова узнали. Как-то так Мухамбетов выразился, что мы и подумать не могли, что он с Волковым всерьез разобраться решил. Лично я думал, что он его поучить хочет.

– Это как «поучить»? – поинтересовался Гуров.

– Ну, по-мужски разобраться. С помощью кулаков. Думал, ребят своих на него натравит, они Волкову бока намнут, тот на время затихнет, а Мухамбетов свою махинацию провернет.

– А вы, значит, против снижения цены и обмана клиентов не возражали? – уточнил Гуров.

– И что в этом плохого? Это бизнес, господа полицейские. Ничего личного. Хочешь иметь больше денег – имей терпение. Подумаешь, цену сбросили. Выжди пару недель, ну, месяц край. А потом, когда цены неизбежно вверх поползут, сдавай все оптом, – разглагольствовал Семибратов. – Я ведь не отнимать у них лом собирался.

– И вы согласились с предложением Мухамбетова? – Вопрос Гуров адресовал Шилову. Тот выдержал небольшую паузу, потом нехотя ответил:

– Согласился.

– И предостережение, как и Семибратов, получили?

– Получил. Я ведь тоже не знал, что Мухамбетов задумал. Да и сейчас не уверен, действительно ли он причастен к смерти Волкова. Доказательств нет, – заметил Шилов. – Полиция сама пришла к выводу, что его смерть – это несчастный случай.

– Но они не знали о предостережении Мухамбетова, – напомнил Крячко.

– Все равно доказательств не нашли бы, – пожал плечами Шилов. – Свидетелей там не было, а очернять конкурента, да еще в таком деле? Для бизнеса это очень плохо.

– Тут я с Шиловым согласен. Нас бы за такой наговор свои же ребята раскатали. В конце концов, это ваша работа доказательства искать и причину смерти устанавливать.

– Есть еще что-то, о чем мы должны знать? – переводя взгляд с Шилова на Семибратова, спросил Гуров.

– Вроде все, – подумав, ответил тот.

– Точно все, – подтвердил Шилов.

– Тогда не смеем вас задерживать. – Лев первым встал со стула, освободил проход и, дождавшись, пока Семибратов и Шилов гуськом протиснутся мимо ряда столов к выходу, вопросительно посмотрел на Крячко.

– Врут, – коротко прокомментировал Стас.

– Однозначно.

– И что, отпустим их?

– Пусть идут пока. В любом случае слова их около правды ходят, а с Мухамбетовым пообщаться нужно. Слетаем в Сочи, потом продолжим с ними, – заключил Гуров.

Десять минут они потратили на то, чтобы набрать в дорогу еды, еще пятнадцать – чтобы перекусить. После этого вернулись в машину. Обыденнов изнывал от любопытства. Он видел, как из кафе вышли Семибратов и Шилов, видел, как те разъехались каждый в свою сторону, а полковников все не было. Теперь же он надеялся услышать интересную историю, а они оба как сговорились. Уселись в машину, и молчок. Задавать вопросы лейтенанту вроде как не по чину. Он поерзал на сиденье, вздохнул и, заводя машину, тоскливым голосом спросил:

– В аэропорт?

– Рули, – скомандовал Гуров и закрыл глаза, собираясь с мыслями.

Поразмышлять было над чем. То, что Семибратов рассказал историю, адаптированную к сложившейся ситуации, он не сомневался. Доля правды в его словах наверняка была, только вот какая? Что из его слов соответствовало истине, а что было придумано на ходу? Махинация со снижением цены на лом, скорее всего, не выдумка. Вопрос в том, Мухамбетов ли придумал эту махинацию? В то, что Волков отказался наотрез, поверить было несложно. Судя по рассказам, он никогда не приветствовал жульнические способы зарабатывания денег. И клиентов подставлять не захотел бы.

Что касалось Паршина, он мог и вовсе не знать про план четверки бизнесменов. Скорее всего, об этом он узнал позже. Это ли послужило последней каплей, после чего он разбрыкался с Якимушкиным? Возможно. Но сейчас полковников больше интересовала судьба Волкова. Допустим, он открыто заявил, что участвовать в афере не станет. Что дальше? На этой четверке скупщиков весь металлургический бизнес не заканчивался, не с них и начинался. Так почему убрать решили именно Волкова? Должна быть конкретная причина. Одной неприязни, которую, по словам Семибратова, испытывал к Волкову Мухамбетов, как-то маловато.

Насчет того, является ли Мухамбетов мозгом операции, судить было рано. Сперва нужно познакомиться с ним лично. Пообщаться, прощупать, что он за человек, а уж потом делать выводы. Но сделать их хотелось уже сейчас. Не напрасно ли они потратят уйму времени на перелет? Возможно, мозгом организации является сам Семибратов. Или Шилов. Почему нет? Вон как Семибратов быстро соображает. Вчера изображал кроткую овечку, сегодня в кафе наплевал на мнение партнера, а потом вдруг снова залебезил перед Гуровым. Скользкий тип. Такой из любой ситуации постарается чистеньким выйти. Что, собственно, он и попытался сделать сегодня.

А Шилов себе на уме. Вряд ли он станет выгораживать того же Семибратова, если самого припрет. Стоило потратить на эту парочку побольше времени, глядишь, и выудили бы правду. Не из того, так из другого. Разделили бы их уже после беседы в кафе и посмотрели, что запоют. Гуров так бы и поступил, если бы время не поджимало. Пропустишь самолет, сутки другого ждать? Нет, правильно, что не стали дожимать бизнесменов. Встреча с третьим участником махинации куда важнее. Услышать историю от третьего лица всегда полезно. Благодаря ей вылезут все «косяки» Семибратова.

Договариваться с Мухамбетовым, излагать ему версию, рассказанную полиции, Семибратов вряд ли станет. Мухамбетову он не доверяет, это и ежу понятно. Передать сейчас разговор Мухамбетову – значит подставить себя, а Семибратов не дурак, он за свою шкуру трясется. Да и Шилов на рожон не полезет, тоже с головой дружит.

– Хватит губами шевелить, высказывай вслух, что обо всем этом думаешь? – потребовал Крячко, уже двадцать минут наблюдавший за работой мозга напарника.

С Гуровым всегда так: пока не обмозгует все до единого, ни за что мыслями не поделится. Будет крутить ситуацию и так, и этак, терзаться сомнениями, разбивать свои же версии в пух

и прах, а с напарником обсуждать не станет. Временами Крячко эта привычка друга просто бесила. Почему не обсудить с напарником? Но нет, Гуров у нас перфекционист, ему сперва до идеала мысль довести нужно, а уж потом с другом делиться. Вот и сейчас, услышав вопрос, брови нахмурил, губы надул и в сторону отвернулся. Только он, Стас Крячко, на надутые губы не ведется.

– Давай, колись, тебе говорят, – с нажимом повторил он. – Или я свои версии выдвигать начну.

– Выдвигай, кто же против, – пожал плечами Лев.

– Знаешь, что я обо всем этом думаю? – с видимым удовольствием начал Крячко, долгое молчание было не в его натуре. – Я думаю, что Мухамбетова Семибратов попросту подставляет. Нет, не то чтобы я Мухамбетова кроткой овечкой считал, просто не настолько он важная шишка, раз оба бизнесмена его так легко сдали. Как думаешь?

– Согласен, – коротко ответил Лев, но Крячко такой ответ не удовлетворил:

– А поконкретнее нельзя?

– Выходит, нельзя.

– Ладно, идем дальше. Что касается Волкова, тут Семибратов не соврал. Нарвался парень со своей принципиальностью. Полез в бутылку, а люди его не поняли. Одного не пойму, чем он особо мог навредить остальным заговорщикам? Ну, не захотел подписываться, так что с того? Просто выкинули его из плана, и дело с концом. Как тебе такой расклад?

Гуров не ответил. Крячко полсекунды подождал и снова заговорил:

– Значит, нельзя было выкинуть, вот что я думаю. Либо план от этого силу терял, либо в аферу, помимо этой четверки, еще люди входили.

– Либо Волков пригрозил план их открыть.

– Кому открыть? Клиентам? Да брось, Лева, не пошел бы он на такой шаг. Это же подстава самая натуральная, – возразил Крячко. – Представь картину: три пункта приема чермета поднимают цену на прием металла. Тем, кто его сдает, это прямая выгода, верно? Все в округе об этом узнают и линяют от постоянных скупщиков, тащат металл этим четверым. Как на это отреагируют их конкуренты? Они-то вообще без прибыли остаются, верно? Эти четверо вынуждают и их поднять цены. И снова клиенты к ним рекой текут, особенно если цена выше, чем у конкурентов. Деньги они потратили, металла закупили прорву, и что дальше происходит? Эти трое берут и сбрасывают цену. А так как остальные по финансовой базе до них не дотягивают, то скупать металл большими партиями уже не могут, денежки-то потрачены. Я верно понимаю ситуацию?

– Пока вроде верно, – подтвердил Гуров.

– А дальше идет самое интересное: Волков в группу махинаторов не входит, отказывается в самом начале. Чем это грозит нашей тройке? Тем, что он предупредит мелких скупщиков! Не ведитесь, мол, через пару недель все вернется на круги своя. И деньги у вас целы останутся, и клиенты ваши к вам же и вернуться. Вот где подстава, Лева!

– Все равно ерунда выходит. Чего-то в этой махинации не хватает. Какого-то существенного звена, – задумчиво проговорил Гуров.

– Какого звена, Лева, все ведь ясно, как под микроскопом, – горячился Крячко. – Опрокинуть они мелких конкурентов решили, вот и все дела. А Волков им всю «малину» обломал. Мухамбетов и разозлился. Может, он и не собирался Волкова убивать. Может, действительно несчастный случай произошел, только не без помощи Мухамбетова. В том и разница.

– Мелко это как-то все. Скупки, конкуренты, пара недель простоя. Мелко и несерьезно. На убийство не тянет, Стас.

– Да тебе ли не знать, за какие гроши люди друг друга укокошить готовы? – возмутился Крячко. – Иной раз за пару сотен топором по башке, и в кусты.

– Пара сотен – другое дело. Тут бытовуха.

– А тут конкуренция.

– В том-то и дело, что конкуренция. Несерьезно это для бизнеса.

– А тебе известно, какая была ситуация на рынке на тот момент? Может, у них самый кризис наступил? Может, в то время потерять пару тысяч «деревянных» было достаточно для того, чтобы обанкротиться?

– Рынок не изучал, – признался Лев.

– Вот! И я не изучал. А они изучали. И не один день, я так думаю, – победоносно поднял указательный палец Стас.

– Ладно, что из пустого в порожнее лить? Встретимся с Мухамбетовым, посмотрим, что он скажет, тогда и выводы делать будем, – заключил Гуров, и разговор на этом прервался.

Спустя десять минут машина свернула на автостоянку аэропорта Череповца, а еще через тридцать минут Гуров и Крячко сидели в салоне самолета, который вез их в Сочи. До встречи с Русланом Мухамбетовым оставалось ровно восемь с половиной часов. Начальник аэропорта расстарался, выбрал рейс с максимально коротким временным диапазоном в пути. Несмотря на пересадку в Москве, где в Домодедово предстояло провести два с половиной часа, весь перелет занимал шесть часов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.